

Е. Е. Голубинскій. Но въ своей спеціальной области—источникахъ исторіи русской церкви авторъ, на мой взглядъ, безукоризненъ. Тщательное изученіе первоисточниковъ сказалось на самомъ изложеніи, отличающемся живостію и новизною въ раскрытіи малоработаннаго предмета.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

32) О сочиненіи студента *Парія Андрея* на тему: „Обозрѣніе законодательства и литературы по устройству приходоу за XVIII и XIX вв.“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія (стр. 1—52), двухъ отдѣловъ (53—279 и 280—347) и эпилога (348—388).

Во введеніи предлагается краткій историческій очеркъ устройства древнерусскаго прихода, какъ сплоченной религіозно-земской организаци, центромъ которой служилъ приходскій храмъ—строеніе приходскихъ людей. По собственному заявленію автора характеристика древнерусскаго прихода дѣлается имъ въ освѣщеніи, даваемомъ извѣстнымъ нашимъ писателемъ А. А. Папковымъ и сдѣлана авторомъ въ интересахъ формальной стройности сочиненія. Дѣло въ томъ, что XVIII и XIX вѣка для историка русскаго церковнаго прихода представляются періодомъ постепеннаго упадка прихода, или, точнѣе, совершеннаго видоизмѣненія того строя, который онъ имѣлъ въ древней Руси, а посему автору казалось неудобнымъ начинать изслѣдованіе раскрытіемъ измѣненія строя приходскаго, не указавъ предварительно, каковъ былъ самый этотъ строй.

Затѣмъ авторъ указываетъ общія причины упадка приходскаго строя,—усиленіе крѣпостного права и крайній недостатокъ грамотныхъ людей въ составѣ прихожанъ,—и планъ сочиненія.

Первый отдѣлъ, слѣдующій далѣе, представляетъ собою постепенное дѣйствіе этихъ причинъ на разложеніе приходскаго общиннаго строя. Авторъ постепенно съ хронологическою послѣдовательностію отмѣчаетъ законодательныя и административныя мѣропріятія духовнаго и свѣтскаго прави-

тельства по преобразованію приходскаго устройства по отдѣльнымъ царствованіямъ, а именно: Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, Екатерины II-ой, Павла и Александра I-го, Николая I-го, Александра II и Александра III-го.

Отдѣлъ второй посвященъ обзорѣнію исторіи образованія и устройства приходовъ христіанъ инославныхъ исповѣданій (280—312) въ разныхъ частяхъ Россіи и описанію устройства православныхъ приходовъ въ Финляндіи (313—313).

Въ видѣ эпилога слѣдуетъ затѣмъ сжатое изложеніе мнѣній, высказанныхъ по устройству православнаго прихода въ Предсоборномъ Присутствіи, и нормальнаго проекта приходскаго устройства, выработаннаго Присутствіемъ.

Таковъ планъ и общее содержаніе сочиненія А. Парія.

Сочиненіе представляетъ собою довольно полное раскрытіе данной темы. Авторъ въ надлежащей мѣрѣ изучилъ церковно-юридическій матеріалъ и ознакомился съ историческимъ освѣщеніемъ его подъ руководствомъ специальныхъ историческихъ изслѣдованій Папкова, Богословскаго и Верюжскаго. Авторъ хорошо расположилъ и матеріалъ, имъ собранный, представивъ въ параллели съ одной стороны постепенный процессъ упадка православнаго прихода, съ другой—распространенія и роста приходовъ инославныхъ исповѣданій. Указавъ за тѣмъ на удовлетворительное устройство православныхъ приходовъ въ Финляндіи, авторъ пришелъ къ естественному выводу о необходимости возстановленія и оживленія общиннаго устройства православныхъ приходовъ—что было привѣтствовано и Предсоборнымъ Присутствіемъ.

Это—хорошія стороны сочиненія А. Парія. Къ сожалѣнію, сочиненію недостаетъ надлежащей литературной обработки: авторъ не далъ себѣ труда позаботиться о красотѣ въ построеніи періодовъ, иногда встрѣчаются неудачные эпитеты, напр. „скорпіоновыя мѣры“ (стр. 68), „реализовать въ дѣйствительности“ (стр. 227) и т. п.

Но вообще сочиненіе для кандидатской степени удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Авторъ составлялъ свое сочиненіе уже по готовымъ русскимъ изслѣдованіямъ, и ему предстояла, поэтому, самая

простая задача использовать въ своихъ цѣляхъ этотъ предлежавшій ему въ обработанномъ видѣ матеріаль. Свою задачу студентъ Парій исполнилъ съ должной полнотой и добросовѣстностію, и потому степени кандидата заслуживаетъ“.

33) О сочиненіи студента іеромонаха *Варлаама (Пикалова)* на тему: „Человѣческая жизнь по изображенію преп. Макарія Великаго“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ хорошо изучилъ сочиненія преп. Макарія В. по русскому ихъ переводу и изданію нашей Академіи (1904 г.). Все прочее въ смыслѣ литературы и пособій по изученію этого отца, какъ можно судить по крайней мѣрѣ по самому сочиненію о. Варлаама, оставлено имъ въ сторонѣ и безъ вниманія. Вотъ почему напрасно стали-бы искать въ сочиненіи того ученаго аппарата въ видѣ цитатъ, ссылокъ, сопоставленій съ подлинниками и проч., который обычно присущъ всѣмъ почти кандидатскимъ и магистерскимъ сочиненіямъ. Это правда чувствуется, а не указывается. Авторъ проще и прямѣе понялъ задачу своей работы и подошелъ къ ней прямо, принявъ книжку твореній святого отца въ ея объемѣ и содержаніи безъ всякихъ сомнѣній и предположеній о томъ, все ли здѣсь есть, что осталось отъ преп. Макарія В. и такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ, какъ дано въ этой книжкѣ. Повторяемъ: полное отсутствіе научно-литературнаго и критическаго элемента въ сочиненіи,—вотъ основная особенность сочиненія о. Варлаама сравнительно даже съ обычными кандидатскими работами. Недостатокъ это или просто своеобразная постановка дѣла, это конечно зависитъ отъ того, съ какими требованіями подходить къ работѣ и подъ какимъ угломъ ее оцѣнивать и измѣрять. Достоинство самой работы, взятой въ томъ масштабѣ, который авторъ самъ опредѣлилъ въ предисловіи, намъ кажется, окупаетъ этотъ указанный недочетъ. Жизнь человѣческая рисуется авторомъ въ изображеніи ея св. отцомъ очень опредѣленно, послѣдовательно и ярко. Въ шести отдѣлахъ сочиненія, которые почему-то у автора не указаны въ оглавленіи, всѣ стадіи и моменты человѣческой жизни раскрыты въ стро-

гомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Состояніе до грѣхопаденія, и послѣ грѣхопаденія, жизненное содержаніе человѣка на этихъ двухъ какъ бы полюсахъ его бытія, самый процессъ жизни человѣческой въ ея грѣховныхъ проявленіяхъ и въ борьбѣ за спасеніе, содержаніе нравственнаго совершенства личности человѣка облагодатствованной, — все здѣсь сжато, но вполне опредѣленно выяснено и указано. Авторъ видимо не рискуетъ перелагать мысли преп. отца своими словами и формулировкой, а большею частію приводитъ подлинныя слова преподобнаго. На долю его самого остается планъ сочиненія, умѣнье наполнить рамки и рубрики своей работы подходящимъ содержаніемъ и соблюсти логику мыслей.

Все это достигнуто авторомъ. Стилль работы портитъ нѣсколько употребленіе философскихъ терминовъ, вродѣ „метафизическій“, которые на ряду съ славянской и русской рѣчью простого святоотеческаго стилия нѣсколько рѣжутъ слухъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе это содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе мыслей преп. Макарія о человѣческой жизни, — по большей части его же собственными словами, искусно собранными изъ разныхъ мѣстъ его твореній. Сочиненіе — очень хорошее, дающее ясное представленіе о міровоззрѣніи преподобнаго, но читается не особенно легко.

Оцѣниваю его балломъ 5“.

34) О сочиненіи студента *Ильшанова Павла* на тему: „Вопросъ о двухчастномъ и трехчастномъ составѣ природы человѣка“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Д. Бьялева*:

„Кромѣ краткихъ введенія и заключенія сочиненіе г. Ильшанова распадается на три части. Въ первой части изложены: „библейскія основанія трихотоміи“ (гл. 1, стр. 19—41) и „ученіе святыхъ отцовъ и учителей Церкви о трехчастномъ составѣ природы человѣка“ (гл. 2, стр. 41—62). Во второй части раскрыты: „ученіе Библии о двухчастности природы человѣка“ (гл. 1, стр. 67—102), „патристическое ученіе“

о двухчастномъ составѣ человѣческой природы“ и „ученіе о томъ же предметѣ православной русской догматики“ (глав. 2, стр. 103—140).

Часть третья, обнимающая двѣ трети всего сочиненія, содержитъ критическій разборъ ученій о двухчастномъ и трехчастномъ составѣ человѣческой природы, а именно, въ главѣ первой данъ „анализъ терминовъ, употребляемыхъ Библией для обозначенія внутренняго, невидимаго существа человѣка“ и показана „ошибочность пониманія этихъ терминовъ трихотомистами“ (143—247 стр.). Во второй главѣ раскрыта „несостоятельность трихотомистическихъ ссылокъ на патристическое ученіе“ (247—290 стр.); въ третьей главѣ опровергнуто „ученіе о трехчастномъ составѣ природы человѣка древнихъ христіанскихъ еретиковъ, греческой философіи и религіи древняго востока“ (291—308 стр.); въ четвертой главѣ показано „согласіе дихотомистическаго ученія о составѣ природы человѣка съ данными современной психологіи“ (309—412 стр.).

Разсмотрѣніе библейскаго ученія о духовномъ началѣ въ человѣческой природѣ приводитъ автора сочиненія къ выводу, что различныя наименованія въ Библии этого начала не свидѣтельствуютъ о двухсоставности или многосоставности этого начала, что душа въ человѣкѣ, называемая и духомъ, есть одна сущность. Равнымъ образомъ и изслѣдованіе святоотеческаго ученія о составѣ человѣческой природы побуждаетъ автора заявить, что даже тѣ отцы и учителя Церкви, которыхъ иные богословы считаютъ трихотомистами, на самомъ дѣлѣ таковыми не были, потому что въ ихъ сочиненіяхъ можно найти изреченія, въ которыхъ они духовную часть человѣческой природы признавали единой и простой, а не двойственной сущностію.

Главное достоинство сочиненія въ томъ, что оно представляетъ разностороннее изслѣдованіе предмета. Разсмотрѣно и освѣщено библейское, святоотеческое и философско-психологическое ученіе о предметѣ. Но глубина изслѣдованія меньше его широты. Предметъ сложенъ, теменъ и труденъ, да и мало разработанъ, какъ богословами, такъ и свѣтскими учеными, не смотря на то, что онъ входитъ въ область и философіи, и психологіи, и медицины, и біологіи, и антропологіи. Не удивительно, что автору сочиненія не удалось

достаточно освѣтить разныя немаловажныя частности предмета и разрѣшить кое-какія недоумѣнія. Напр., въ психологическомъ отдѣлѣ своего сочиненія, въ послѣдней главѣ его онъ настойчиво, рѣшительно утверждаетъ, что при душевныхъ болѣзняхъ можетъ раздвоиться и дробиться личность человѣка, но его я всегда при этомъ остается одно и то же. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, въ чемъ же состоитъ различіе личности отъ я человѣка. Г. Плѣшановъ этого вопроса даже и не ставитъ, какъ будто само собой понятно, что личность и я не тождественны, и какъ будто всѣ знаютъ, чѣмъ я отличается отъ личности.

Въ библейскомъ отдѣлѣ сочиненія г. Плѣшановъ съ нѣтяжкой примѣняетъ къ своему взгляду изреченіе изъ посланія къ Ефесянамъ, 4 гл. 23 ст., и неправильно его изъясняетъ. Въ этомъ изреченіи духъ есть подчиненное понятіе, умъ—главное понятіе, а не на оборотъ, какъ думаетъ авторъ сочиненія.

Впрочемъ темнота и неразработанность предмета въ значительной мѣрѣ извиняють недостатки изслѣдованія его у г. Плѣшанова.

Мысли въ сочиненіи изложены послѣдовательно и, за немногими исключеніями (напр., на 307 стр.), точно, безъ излишняго многословія.

Языкъ сочиненія тоже хорошій, если не считать попадающихся тамъ и сямъ такихъ иностранныхъ словъ, которыя хотя, къ сожалѣнію, уже вошли въ составъ нашего устнаго и письменнаго языка, но безъ которыхъ вполне можно обойтись и которыя только портятъ чистоту нашей родной рѣчи, таковы, напр., игнорируемъ (245 стр.), кардинальный (383 с.), констатированіе (326 с.), нарируя (374 с.), плюсь вмѣсто и (289 с.). На 28-й стр. неправильно сказано Павловское вмѣсто Павлово. А вообще какъ изложеніе, такъ и стиль сочиненія хороши.

Сочиненіе вполне достаточно для присужденія его автору степени кандидата богословія“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора М. Д. Муретова:

„Кромѣ общаго и краткаго введенія о предметѣ темы (стр. 3—9), сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой

дается общее изложение учения трихотомистовъ (стр. 11—18) и приводятся библейскія мѣста (глава первая, стр. 19—41) и изреченія святыхъ отцевъ и учителей Церкви (глава вторая, стр. 41—62), что служатъ основаніемъ для защитниковъ трехсоставности природы человѣка,—во *второй*, послѣ общаго изложения учения дихотомистовъ (стр. 63—67), приводятся библейскія изреченія (глава первая, стр. 67—102) и обще-патристическое и русское православно-догматическое ученіе (глава вторая, стр. 103—140) о двухсоставности природы человѣка,—въ *третьей* части доказывається несостоятельность трихотомистовъ въ толкованіи библейскихъ (глава первая, стр. 143—247) и патристическихъ (глава вторая, стр. 247—290) мѣстъ, изъясняемыхъ авторомъ примѣнительно къ теоріи двухсоставности человѣческой природы,—указывается на связь этого ученія съ ученіями древне-христіанскихъ еретиковъ, греческихъ философовъ и религіи древняго востока (глава третья, стр. 291—308),—и раскрывается согласіе ученія о двухсоставности природы человѣческой съ данными современной психологіи (глава четвертая, стр. 309—412),—сочиненіе заканчивается изложеніемъ основныхъ тезисовъ (стр. 413—414) и оглавленіемъ (стр. 415—417).

Не касаясь нѣкоторыхъ частныхъ (напримѣръ на 22-й страницѣ авторъ пишетъ такіе цитаты: 1 Mos. 1 Sam. 1 Kōn. Ies. Luc.,—какъ будто авторъ не знаетъ о существованіи русской и славянской Библии!), укажу слѣдующіе общіе недостатки сочиненія: 1) критическая оцѣнка трихотомистической и дихотомистической теорій неудачно отдѣлена отъ изложения ихъ, что заставило автора повторяться въ первыхъ двухъ главахъ третьей части, тогда какъ этого легко было избѣжать, если бы оцѣнка теорій была соединена съ ихъ изложеніемъ,—2) не съ достаточною полнотою уяснена какъ обще-философская такъ и библейско-богословская основа различія въ человѣкѣ духа, души и тѣла, въ связи съ библейскимъ ученіемъ о грѣхѣ и плоти,—3) остается совершенно неяснымъ, къ трихотомистической и дихотомистической теоріямъ какое отношеніе имѣетъ длинный экскурсъ въ область психологическихъ соображеній о недѣлимости и единствѣ человѣческаго я при возможности для него многообразія личныхъ формъ сознанія,—4) патристическое ученіе

исчерпано не полно,— 5) наконецъ нѣкоторая неполнота замѣчается и въ толкованіи библейскихъ мѣстъ.

Впрочемъ общій предметъ темы, какъ видно изъ обзорѣнія содержанія сочиненія, изученъ авторомъ обстоятельно и полно, частію по первоисточникамъ (Библия и патристическая литература), частію по новѣйшимъ иностраннымъ и русскимъ изслѣдованіямъ, прямо или косвенно относящимся къ данному вопросу,—и изложенъ просто и толково,—почему за свою работу г. Плѣшановъ вполне заслуживаетъ ученой степени кандидата богословія“.

35) О сочиненіи студента *Протасова Николая* на тему: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Дѣяній XXV—XXVI главы)“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Сочиненіе состоитъ изъ *предисловія* (стр. 1—3) о характерѣ и условіяхъ работы автора, *перечисленія источниковъ и пособій* ея съ объясненіемъ принятыхъ въ новозавѣтной текстологіи сиглъ (стр. 4—8), *введенія* съ краткими и общими свѣдѣніями объ административно-политическомъ положеніи тогдашней Палестины (стр. 9—36) и слѣдующихъ *пяти главъ* постишнаго толкованія XXV—XXVI главъ книги Дѣяній Апостольскихъ и носящихъ такія заглавія: *первая*—Фестъ въ Іерусалимѣ (XXV, 1—5 стр. 37—105), *вторая*—судъ надъ Апостоломъ Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ (XXV, 6—12 стр. 106—184), *третья*—характеристика Фестомъ дѣла Ап. Павла Агриппѣ и Вереникѣ (XXV, 13—22 стр. 185—246), *четвертая*—рѣчь Феста къ собравшимся у него послушать Ап. Павла (XXV, 23—27 и XXVI, 1 стр. 247—275) и обширнѣйшая *пятая* глава, толкующая рѣчь Ап. Павла предъ Фестомъ и Агриппою о христіанствѣ, какъ исполненіи всѣхъ истинныхъ надеждъ Израиля и данныхъ ему Богомъ обѣтованій, причемъ толкуемый текстъ раздѣленъ авторомъ на приступъ (XXVI, 2—3 стр. 275—285) и слѣдующія четыре части: 1) христіанство—надежда Израиля и исполненіе ветхозавѣтныхъ обѣтованій (XXVI, 4—8 стр. 286—324), 2) Павелъ ученикъ и апостоль Христа (XXVI, 9—18 стр. 325—453), 3) проповѣдь Ап. Павла между язычниками и

иудеями (XXVI, 19—23 стр. 453—522) и 4) окончаніе рѣчи и ея результатъ (XXVI, 24—32 стр. 522—588),—и, въ концѣ сочиненія приложенный, собственный переводъ авторомъ истолкованнаго отдѣла на русскій языкъ (589—605).

Для своего сочиненія авторъ изучилъ какъ древне-церковную экзегетическую литературу предмета — греческую: Златоустъ, Икуменій, Теофилактъ и Катены, и латинскую: Араторъ, Кассіодоръ и Беда,—такъ и новѣйшія научныя работы на нѣмецкомъ языкѣ—по текстологіи: Тишендорфъ, Нестле, Бляссъ,—по филологіи: грамматика Винера и Блясса, симфонія Брудера, словарь Ширлица,—по исторіи, археологіи и юриспруденціи, кромѣ первоисточника—Юсифа Флавія: Моммзенъ, Гиршфельдъ, Шюреръ—главнымъ образомъ, Каутскій, Фридендеръ, протестантская реальная энциклопедія Герцога и Плитта, словарь Винера, Гольцманъ, Иельски, Нейандеръ, Веберъ (иудейская теологія), Нёленъ, Лангенталь, Визелеръ, Кёнигъ,—на русскомъ: Ренанъ, Фарраръ, Волковъ-Филипповъ (словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ), прот. Смирновъ, проф. Богдашевскій, проф. Глубоковскій,—по экзегесу: Беттге, Бляссъ, Фельтенъ, Гольцманъ, Клабенбауеръ, Лянге-Лехлеръ, Мейеръ, Мейеръ-Вендтъ, Ольсгаузенъ-Ебрардъ, Штирль, Библейско-богословскій словарь къ Новому Завѣту Кремера и на русскомъ—Барсовъ (Сборникъ истолковательныхъ статей на книгу Дѣяній).

Столь обширный и разносторонній матеріалъ могъ быть изученъ авторомъ въ сравнительно небольшой срокъ (авторъ притомъ серьезно болѣлъ въ теченіе этого срока—операция по случаю аппендицита) только благодаря прекрасному знанію имъ нѣмецкаго и классическихъ языковъ и необычайному трудолюбію. Использованъ авторомъ этотъ матеріалъ весьма широко и умѣло, что особенно надо отмѣтить по отношенію къ древне-церковнымъ комментаріямъ — греческимъ и латинскимъ, нерѣдко надѣлявшимъ автора превосходными экзегетическими наблюденіями и замѣчаніями, по своей научной значимости нисколько не уступающими и новѣйшимъ ученымъ комментаторамъ иностраннымъ.

На основаніи всего этого матеріала научнаго авторъ даетъ весьма обстоятельное толкованіе указанныхъ главъ книги Дѣяній:—*текстологическое*, указуя всѣ важнѣйшія различія со всестороннею и умѣлою оцѣнкою ихъ сравнительнаго

достоинства научнаго,—*филологическое*, основанное на изученіи какъ классическаго греческаго языка, такъ и особенностей діалекта *κοινή* и новозавѣтнаго грецитета, отличающееся во многихъ мѣстахъ тонкою наблюдательностью и удачно освѣщающее многія трудности толкуемаго отдѣла, особенно на стр. 94 и дал. *δυστό;* 25, 5,—стр. 120 дал. синтаксическій строй 25, 7—9, стр. 128—129 *ἵμαρτον* 25, 8,—стр. 228 дал. *δελιδационис* 25, 19,—стр. 312 сл. *τί ἄλιβτον* 26, 8 и др.,—*историко-археологическое*, особенно по римскому праву, напр., *jus gladii, jus revocandi domum et Romam appellandi*, по Моммзену стр. 153—170,—перерывъ рѣчи Ап. Павла Фестомъ, удачно объясняемый авторомъ на основаніи уясненія воззрѣній тогдашнихъ образованныхъ римлянъ на іудеевъ и ихъ религію стр. 526 дал.,—политическое положеніе тогдашней Палестины, права римскихъ чиновниковъ въ ней, правомочія іерусалимскаго синадріона и іудейскихъ царей и др. мн.,—на основаніи изученія трудовъ Моммзена, Шюрера, Гиршфельда и др.—наконецъ и *идейно-богословское*, въ раскрытіи отношенія Вѣтхаго Завѣта къ лицу Христа Спасителя и въ уясненіи христіанскаго ученія о воскресеніи Его сравнительно съ іудейско-мессіанскими воззрѣніями.

Изложеніе отличается ясностью и стройностью. Авторъ владѣетъ искусствомъ поддерживать въ читателѣ неослабный интересъ на протяженіи всей обширной работы своей, благодаря любопытнымъ справкамъ и объяснительнымъ параллелямъ изъ римскаго права (по Моммзену и др.), іудейской теологіи (по Веберу), исторіи народа іудейскаго (по Шюреру) и др. и умѣнью не отвлекаться въ постороннія детали и утомительные справочные экскурсы по предметамъ побочнымъ и прямой связи съ темою не имѣющимъ.

Впрочемъ работа г. Протасова не лишена и недостатковъ. Въ ней, къ сожалѣнію, остались неиспользованными много важныхъ научныхъ пособій, весьма близко ея касающихся—по текстологіи: Траджелісь, Весткоттъ-Гортъ, Содень,—совсѣмъ отсутствуетъ критика славянскаго текста,—по филологіи: грамматики Винеръ—Люнемана и Винеръ—Шмиделя и лексиконы Шлейсснера, Гримма-Тэйера, работы Дейссмана, Гарнака, параллели къ новому завѣту классическія и раввинскія Ветштейна, Ляйтфута др.,—изъ русскихъ отсутствуютъ: Ивнокентій, Горскій, Михайль, Николинъ,—Іосифъ

Флавій цитується по устарѣлому русскому переводу, сдѣланному съ латинскаго текста,—Филонъ—по Шюреру и даже Визелеру,—неумѣстно цитуются Фарраръ, Ренавъ, Ширлицъ (стр. 61. 67), зачѣмъ то дается одинъ изъ возможныхъ англійскихъ переводовъ греческаго *ἀδίκη*, притомъ не изъ удачныхъ (стр. 149). Предварительныя и общеисторическія свѣдѣнія слишкомъ коротки и даже поверхностны, о синедріонѣ даны свѣдѣнія неполныя и сбивчивыя (стр. 62 дал.). Въ изложеніи встрѣчаются неумѣренныя длинноты (авторъ не любитъ точекъ и очень рѣдко ихъ ставитъ) и вычурности, на примѣръ: синедріонъ пользовался правомъ юрисдикціи *для черченія* (?) распоряженій (стр. 32),—если прокуратура *vite en besogne* (!) поразить докладомъ (стр. 60),—резюмируемъ кратко возможную психологическую почву этихъ словъ прокуратора (стр. 88),—несмотря на фонъ дѣла Павла какъ религіознаго преступника (стр. 117) и под. Наконецъ приложенный въ концѣ сочиненія, сдѣланный авторомъ, собственный переводъ истолкованныхъ главъ показываетъ неопытнаго и неумѣлаго переводчика, интерпретацію свою и перифразъ смѣшивающаго съ точнымъ переводомъ.

Но всѣ эти, частныя и легко устранимыя, недостатки работы г. Протасова не препятствуютъ ей быть не только вполне удовлетворительнымъ и даже заслуживающимъ особаго одобренія кандидатскимъ сочиненіемъ, но и, по исправленіи и дополненіи, въ качествѣ магистерской диссертации составить полезный вкладъ въ русскую научно-экзегетическую литературу по Новому Завету“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Довольно обширное сочиненіе представляетъ собою полное, тщательно обработанное экзегетическое изслѣдованіе Дѣяній главъ XXV и XXVI. Сочиненіе отличается выдающеюся эрудиціею, свидѣтельствующею какъ о трудолюбіи автора, такъ и о свободномъ владѣніи иностранными языками.

Съ глубиною изученія предмета авторъ соединяетъ способность къ детальному анализу и осторожность въ обобщеніяхъ.

Изложеніе логически послѣдовательное; языкъ ясный и

точный, такъ что сочиненіе читается съ живымъ интересомъ даже и читателемъ—неспеціалистомъ.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

36) О сочиненіи студента *іеродіакона Игнатія (Садковскаго)* на тему: „Пресвященный Игнатій Брянчаниновъ и его аскетическое міросозерцаніе“.

а) Ректора Академіи *Епископа Феодора*:

„Обширное сочиненіе о. Игнатія (700 страницъ) по нашему мнѣнію заслуживаетъ особеннаго вниманія и весьма желательно, чтобы авторъ постарался не скрыть его въ библиотечномъ архивѣ и вынесъ его на поле нашей скудной богословской аскетической литературы. И сама по себѣ личность святителя Игнатія, и его сочиненія, столь глубокія по содержанию и въ то же время столь мало извѣстныя нашему обществу, наконецъ приближающееся пятидесятилѣтіе со дня его смерти († 1867 г. 30 Апр.),—все это должно побуждать всякаго огечественнаго богослова воздать должное выдающемуся іерарху Русской Церкви. И въ трудѣ о. Игнатія мы съ радостью* привѣтствуемъ первую серьезную попытку вынести изъ-подъ спуда забвенія великую христіанскую личность и ея духовное богатство въ общее пользованіе. Что удалось преимущественно хорошо сдѣлать о. Игнатію,—это возсоздать живой духовный обликъ святителя Игнатія. Чрезвычайно тонко и умѣло авторъ использовалъ всѣ данныя, касающіяся біографіи святителя, къ тому, чтобы предъ читателемъ развертывалась не внѣшняя повѣсть его жизни, чрезвычайно разнообразной по мѣсту служенія, а тотъ внутренній процессъ и духовный ростъ, какой неизмѣнно совершался въ личности и жизни этого святителя, гдѣ бы онъ ни былъ и какія бы условія жизни ни испытывалъ. Скажемъ прямо: въ той части сочиненія о. Игнатія, которую можно назвать біографіей святителя (1—79 стр. гл. 1—7 и предисл.), авторъ заявилъ себя и художникомъ духовнымъ и поэтомъ, сумѣвшимъ въ рамкахъ обыденной жизни и въ мелочахъ ея какъ бы въ мозаикѣ изобразить съ необыкновенной живостью духовный обликъ и живую личность святителя. Даль, скажемъ, почувствовать какъ бы духовный ароматъ жизни этой

личности. Собственно и въ дальнѣйшихъ главахъ (8—11) сочиненія о. Игнатій предпочтительно имѣетъ дѣло съ живымъ личнымъ настроеніемъ Пр. Игнатія и съ тѣми его переживаніями духовными, которыя отразились и выразились въ его (Е. Игнатія) сочиненіяхъ. Отсюда психологическій анализъ присущъ сочиненію автора, какъ особенно характерный для него признакъ. Въ этомъ несомнѣнное достоинство сочиненія, такъ какъ подходить къ аскетикѣ и къ аскетическимъ сочиненіямъ безъ этого анализа было-бы большой ошибкой для всякаго изслѣдователя. Конечно авторъ по новостямъ дѣла и по обилію матеріала, который ему приходилось изучать и перечитывать, не всегда удачно справлялся съ своей задачей и часто въ изложеніи аскетическаго міровоззрѣнія Пр. Игнатія, что требовалось темой, смѣшивалъ основные элементы личнаго *подвижническаго настроенія* Пр. Игнатія съ основными, какъ думаетъ авторъ, *идеями аскетическаго міровоззрѣнія* по изложенію Пр. Игнатія. Въ этомъ отношеніи, напр., грѣшитъ 8 гл. сочиненія. Говоря преимущественно о томъ, какъ росло и слагалось аскетическое настроеніе Пр. Игнатія, какъ слагалось самое его аскетическое міровоззрѣніе и система, авторъ недостаточно раскрываетъ это міровоззрѣніе и систему въ чисто теоретическомъ смыслѣ, указывая въ то же время много очень цѣнныхъ элементовъ, кои и могли быть положены имъ въ основу раскрытія этой системы: см. стр. 104, 107—109.

Не говоримъ уже о томъ, что авторъ чуждъ всякой исторической перспективы въ своемъ изслѣдованіи о Пр. Игнатіи. Личность Пр. Игнатія и его аскетическія идеи берутся только сами по себѣ, безъ всякаго соотношенія и связи съ предшествовавшими или современными ему представителями духовной жизни и богословской мысли въ Россіи, каковы, напр., М. Филаретъ, Е. Теофанъ, Иннокентій Херс. и другіе. Не указывается соотношенія идей Е. Игнатія съ идеями и запросами современности или идеями святоотеческими. А между тѣмъ на *этотъ долгъ* автору указываетъ самъ Пр. Игнатій, когда въ предисловіи къ 1-му тому своихъ писаній говоритъ: „написаны они (т. е. сочиненія) въ разныя времена и по разнымъ причинамъ, преимущественно *по поводу возникшихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и боголюбивыхъ мірянъ*“..., а изданы эти сочиненія, по словамъ самого Е. Игна-

тія, „какъ отчетъ по согляданію монашеской жизни, какою она является въ Святомъ Преданіи Православной Церкви и какою Промыслъ Божій привелъ созерцать ее въ нѣкоторыхъ живыхъ представителяхъ ея“ (Соч. Е. Игнатія т. 1, стр. 81—82).

Вотъ, думается, программа для будущей дальнѣйшей работы автора объ Е. Игнатіи, если онъ пожелаетъ ее дѣлать; расширить рамки своего труда и личность и міровоззрѣніе Еп. Игнатія ввести въ тѣ историческія рамки, которыя указаны самимъ Еп. Игнатіемъ въ приведенныхъ выше его словахъ.

Желательно еще, чтобы авторъ избѣгалъ пристрастія къ иностраннымъ словамъ и своеобразной богословской терминологіи, которая портитъ впечатлѣніе и рѣжетъ слухъ. Лучше также, если онъ уничтожитъ дробность главъ и сократитъ тѣ выдержки, которыя дѣлаются имъ изъ сочиненій Пр. Игнатія. Признавая сочиненіе о. Игнатія вполне достойнымъ степени кандидата богословія, желаю ему энергіи на продолженіе этого труда“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Обширный (VIII+712) трудъ студента іеродіакона Игнатія состоитъ изъ предисловія, одиннадцати главъ и заключенія. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ даетъ общую характеристику наличнаго состоянія нашей богословской науки—вообще и аскетической—въ частности въ цѣляхъ уясненія значенія личности епископа Игнатія, какъ представителя „опытно-живого и церковно-подвижническаго богословствованія“. Въ главахъ 1—7-й авторъ даетъ обстоятельную біографію епископа Игнатія. Главы 8—11, обнимающія собою болѣе 500 страницъ, подробно выясняютъ характеръ богословствованія этого выдающагося русскаго аскета. Въ заключеніи о. Игнатій дѣлаетъ обобщающую характеристику аскетической идеологіи преосвященнаго Игнатія.

Хотя имя епископа Игнатія (Брянчанинова) хорошо извѣстно не только православнымъ богословамъ, но и болѣе широкому кругу, однако его сочиненія доселѣ еще не имѣли надлежащей оцѣнки. И это понятно почему. Чтобы понимать общій характеръ его аскетическаго подвижническаго богословствованія, необходимо знать не только то, какъ мыслить

самъ преосвященный Игнатій, но и то, что клалъ онъ въ основу своего богословско-аскетическаго мышленія.

Студентъ іеродіаконъ Игнатій и взглянулъ на свою работу съ этой именно стороны. Онъ далъ въ ней не просто сводъ взглядовъ епископа Игнатія, но прослѣдилъ все то, что имѣло вліяніе на выработку міросозерцанія аскета-епископа. Для него всюду ясны первоисточники богословствованій послѣдняго, которые онъ указываетъ въ словѣ Божіемъ и въ твореніяхъ отцовъ и подвижниковъ.

Біографія епископа Игнатія является у автора осмысленными и живыми пролегоменами къ характеристикѣ богословствованій епископа Игнатія. Этимъ объясняется похвальная цѣльность и обстоятельность рецензируемой нами работы, при которой, кстати замѣтимъ, авторъ не ограничивается наличными печатными произведеніями епископа Игнатія, но и пользуется еще и добытыми имъ, доселѣ неизвѣстными въ печати, письмами.

Правда, сочиненіе іеродіакона Игнатія не свободно отъ недостатковъ. И главный изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ далъ слишкомъ общую характеристику (въ предисловіи) наличнаго состоянія нашей богословской науки—вообще и—въ частности аскетической. Поэтому у него недостаточно ясно выражена общая сравнительная цѣнность богословско-аскетическаго міросозерцанія епископа Игнатія. Далѣе, о. Игнатій мало уяснилъ себѣ соотношеніе общаго міросозерцанія епископа Игнатія съ его аскетическими взглядами, выраженными имъ въ частныхъ письмахъ.

Но эти недостатки вполнѣ искупаются крупными достоинствами: цѣльностью и тщательностью работы, внимательнымъ изученіемъ сочиненій и вообще всѣхъ писаній епископа Игнатія, живостью изложенія и глубокимъ пониманіемъ общаго духа и характера аскетическихъ богословствованій преосвященнаго Игнатія.

Видно, что авторомъ при его работѣ руководило искреннее желаніе понять психологію епископа Игнатія, какъ представителя цѣннаго опытно живого и церковно-подвижническаго богословствованія.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе іеродіакона Игнатія интересною и въ цѣломъ въ высшей степени обстоятельною кандидатскою работою“.

37) О сочиненіи студента *Семеновскаго Николая* на тему: „Отношеніе русскаго духовенства къ реформѣ Петра Великаго“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Однимъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ при изученіи реформы Петра В. является вопросъ объ отношеніи къ ней и объ участіи въ ней самого русскаго общества. Была ли реформа дѣломъ рукъ исключительно одного Петра, принужденнаго выдерживать героическую борьбу съ упорствомъ своего народа, или наоборотъ въ своей дѣятельности Петръ опирался на сочувствіе нѣкоторыхъ общественныхъ группъ? Все ли общество было одинаково враждебно настроено къ преобразованіямъ или въ немъ можно замѣтить различныя и, можетъ быть, даже противоположныя направленія? Своей работой авторъ оказываетъ содѣйствіе разрѣшенію этого вопроса. Онъ поставилъ своею задачею изслѣдовать отношеніе къ реформѣ современнаго Петру духовенства. И въ этомъ общественномъ классѣ онъ не нашелъ единства настроенія и отношенія къ новшествамъ. Подобно другимъ общественнымъ классамъ духовенство начала XVIII в. раскололось: въ его средѣ оказались элементы и того, и другого рода, и горячіе противники, и болѣе или менѣе сочувствовавшіе царю сторонники. Остановившись прежде всего на оппозиціонномъ отношеніи къ реформѣ среди духовенства, авторъ указываетъ тѣ преобразованія, которыми раздраженіе и недовольство среди духовенства вызывалось. То были: ломка въ области житейскихъ обычаевъ и церковной старины, нарушеніе матеріальныхъ интересовъ духовенства; возстановленіе монастырскаго приказа, раздражавшее черное духовенство, усиленные налоги и повинности, задѣвавшіе бѣлое духовенство; наконецъ новшества въ сферѣ самой церковной администраціи, отмѣна патріаршества, учрежденіе Синода, изданіе Регламента. Авторомъ собранъ и сосредоточенъ значительный, правда, и прежде небезъизвѣстный матеріалъ преимущественно изъ бумагъ учреждений, вѣдавшихъ политическую полицію при Петрѣ, живо изображающій тѣ формы, въ какихъ оппозиціонное настроеніе духовенства выражалось.

Мы не можемъ не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія въ

характеристикъ, даваемой авторомъ предыдущей исторіографіи. „До послѣдняго времени“, пишетъ авторъ (Введ. стр. VII) признавалось аксіомой то положеніе, что духовенство, какъ высшее, такъ и низшее наиболѣе противодѣйствовало Петру въ реформахъ“. Но вѣдь сочувственное отношеніе къ Петру нѣсколькихъ виднѣйшихъ іерарховъ не могло быть не замѣчено предыдущей исторіографіей и давно уже ею оцѣнивалось. Такъ что очеркъ того сочувствія реформѣ среди духовенства, который мы находимъ во второй части труда, не представляется намъ столь новымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ прежними взглядами, какъ это можно подумать по цитированнымъ словамъ введенія. Но этотъ очеркъ очень цѣненъ тѣмъ, что онъ сводитъ воедино черты прежде разсѣяныя. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ прекрасно написанныхъ характеристикъ представителей высшаго духовенства, содѣйствовавшихъ Преобразователю. По степени сочувствія къ реформѣ авторъ дѣлитъ ихъ на группы. Къ первой такой группѣ—архіереямъ западникамъ—онъ относитъ Теофана Прокоповича, Θεодосія Яновскаго, Гавріила Бужинскаго. Особенно цѣннымъ въ этой части работы мы считаемъ анализъ проповѣдей Теофана. Вторую группу составляютъ архіереи малороссы умѣренно-прогрессивнаго направленія: Стефанъ Яворскій—въ первый періодъ его дѣятельности, св. Дмитрій Ростовскій, Теофилактъ Лопатинскій, Іоаннь Максимовичъ. Наконецъ, къ третьей группѣ отнесены московскіе архіереи прогрессисты: Іовъ Новгородскій, св. Митрофанъ Воронежскій, Аѳанасій Холмогорскій. Авторъ обстоятельно характеризуетъ дѣятельность cadaго изъ нихъ, и эти характеристики показываютъ, какъ во многомъ іерархи современники Петра дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, какъ и царь, и не изъ желанія только обратить на себя вниманіе и выслужиться передъ царемъ, но съ искреннимъ и полнымъ убѣжденіемъ, потому что таково было направленіе лучшихъ умовъ времени. Въ частности авторъ особенно детально и подробно разбираетъ отношеніе названныхъ лицъ къ той сторонѣ преобразованій Петра, которая должна была особенно смущать духовенство—къ западнымъ элементамъ реформы. Эту часть работы надо признать особенно интересной.

Отдѣльныя характеристики, на которыя разбивается вторая часть сочиненія, не вредятъ цѣльности впечатлѣнія; онѣ

имѣютъ значеніе слагаемыхъ, изъ которыхъ составляется яркая, сильно говорящая сумма. Всѣ указанныя положительныя качества сочиненія даютъ, по моему мнѣнію, автору право на полученіе искомой степени“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева:

„Въ концѣ введенія г. Семеновскій заявляетъ, что по смыслу самой темы его сочиненіе должно имѣть двѣ части: „въ первой, говоритъ онъ, мы попытаемся очертить общими и краткими штрихами оппозиціонное отношеніе духовенства къ реформѣ Петра, а во второй—проявленія сочувствія царю со стороны прогрессивной половины духовенства“. Вторую часть своего труда онъ признаетъ главной; и, дѣйствительно, изъ 236 страницъ всего сочиненія она занимаетъ 157 страницъ, тогда какъ первая часть изложена на 69 страницахъ. Но объясненіе, почему вторая часть сочиненія должна быть главной, дано въ высшей степени странное. „Эта часть, говоритъ онъ, будетъ главная, поскольку въ ней постараемся дать болѣе соотвѣтствующее исторической правдѣ освѣщеніе вопроса объ отношеніи русскаго духовенства къ реформѣ Петра Великаго“. Выходитъ, какъ будто въ первой части онъ не старался или даже не считалъ нужнымъ стараться „дать болѣе соотвѣтствующее исторической правдѣ освѣщеніе вопроса“ и что на этомъ основаніи онъ и не признаетъ первую часть сочиненія главной. Если бы онъ преимущественное значеніе второй части предъ первой поставлялъ въ томъ, что во второй части описаны воззрѣнія и дѣятельность лицъ, сочувствовавшихъ реформамъ Петра, а въ первой—взгляды и дѣйствія лицъ, противодѣйствовавшихъ этимъ реформамъ, то и въ такомъ случаѣ предпочтеніе второй части предъ первой требовало бы поясненія, въ видѣ напр. заявленія, что вообще положительная дѣятельность, въ данномъ разѣ поддержка реформъ Петра, важнѣе отрицательной, оппозиціонной. Хотя и такое объясненіе можно оспаривать, такъ какъ составляетъ еще вопросъ, что болѣе заслуживаетъ наименованія дѣломъ положительнымъ, созидательнымъ, творческимъ и прогрессивнымъ—реформы-ли Петра, которыя въ сущности были очень разрушительны, или консервативная привязанность къ прежнему строю жизни противниковъ реформъ Петра; но по крайней мѣрѣ такое объясненіе имѣетъ

смыслъ и вполнѣ понятно, чего нельзя сказать о приведенной г. Семеновскимъ мотивировкѣ.

Во введеніи есть и еще слова, съ которыми нельзя согласиться. „Мы не претендуемъ, говорить онъ, на всесторонность и полноту изслѣдованія: недостатокъ матеріаловъ и незначительность времени позволили сдѣлать только немногое“. Мы, напротивъ, полагаемъ, что на недостатокъ матеріаловъ изучающей эпоху Петра жаловаться не можетъ. Да и изъ самаго сочиненія г. Семеновскаго видно, что онъ или вскользь ознакомился съ нѣкоторыми матеріалами, или прямо уклонился отъ изслѣдованія ихъ. Такъ, онъ самъ заявляетъ, что о Теофанѣ Прокоповичѣ онъ говоритъ больше по его проповѣдямъ, не касаясь его другихъ сочиненій и другихъ сторонъ его дѣятельности (101 стр.). Извѣстно, что Теофанъ Прокоповичъ написалъ множество разнообразныхъ сочиненій, изъ которыхъ инныя и доселѣ остаются въ рукописи. Конечно, нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ, напр., его догматика, не имѣютъ никакого отношенія къ темъ сочиненія г. Семеновскаго. Но многія другія его сочиненія содержатъ не мало матеріала по вопросу объ отношеніи ихъ автора къ реформамъ Петра Перваго. Что литературная, законодательная и церковно-практическая дѣятельность Теофана раскрыта въ сочиненіяхъ Самарина, Чистовича, Пекарскаго, Кедрова, Морозова, Рункевича и другихъ, это вовсе не давало г. Семеновскому права оцѣнивать отношеніе Прокоповича къ реформамъ Петра почти только по проповѣдямъ его. Источниковъ и пособій для изученія личности, возрѣвній и дѣятельности Прокоповича очень много, да притомъ это былъ изъ духовныхъ лицъ главный дѣтель въ эпоху Петра и даже въ ближайшіе годы по смерти его, а между тѣмъ г. Семеновскій написалъ о немъ всего только 20 страницъ. Скажутъ: не въ количествѣ, а въ качествѣ дѣло. Но и качество этого отдѣла не высоко. Напр., вопросъ, былъ ли Прокоповичъ льстецомъ предъ Петромъ Великимъ г. Семеновскій съ увѣренностію рѣшаетъ отрицательно, основываясь на сходствѣ протестантскихъ возрѣвній Прокоповича съ возрѣвніями и склонностями Петра. Такое рѣшеніе правдоподобно, но поверхностно. Кромѣ указаннаго соображенія, при помощи котораго нельзя рѣшить вопросъ съ полною несомнѣнностію, слѣдовало бы принять во вниманіе нравственный обликъ

Феофана. Талантливый человекъ, разносторонній ученый, плодовитый писатель, Феофанъ Прокоповичъ въ нравственности былъ не высокъ, или даже прямо низокъ. Для такого человека сходство въ образѣ мыслей съ Петромъ лишь облегчало дѣло лести, но не исключало лести.

И не одна глава о Феофанѣ Прокоповичѣ, а все сочиненіе г. Семеновскаго обнаруживаетъ склонность автора описывать больше наружность, поверхностныя стороны лицъ, ихъ дѣятельности, словъ и событій.

Цитація не всегда полна и обстоятельна. Напр., онъ указываетъ сочиненія о Феофанѣ Прокоповичѣ Морозова, Чистовича, Самарина, но не отмѣчаетъ годовъ выхода ихъ въ свѣтъ (24, 29, 59, 60 стр.). При ссылкѣ на Самарина указываетъ томъ его сочиненій, не помѣщая заглавія сочиненія. На 123 стр. указываетъ журналъ, томъ журнала и фамилію автора статьи, а заглавія самой статьи не приводитъ. На 188-й страницѣ указанъ журналъ, годъ и томъ, но ни авторъ статьи, ни самая статья не упомянуты.

Но сочиненіе г. Семеновскаго имѣетъ и большія достоинства. Оно составлено на основаніи просмотра, прочтенія и изученія множества книгъ и статей разнообразнаго содержанія. Сюда относятся прежде всего проповѣди, письма, а также и нѣкоторыя сочиненія тѣхъ духовныхъ лицъ эпохи Петра, отношеніе которыхъ къ реформамъ Петра онъ раскрываетъ. Пришлось ему обращаться къ документальнымъ изданіямъ, какъ „Полное собраніе законовъ“, „Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода“, „Полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія“. Приводитъ онъ выдержки изъ курсовъ гражданской исторіи Соловьева и Трачевскаго и церковной Рункевича. А еще чаще ссылается на сочиненія ученыхъ, которые или написали исторію царствованія Петра Великаго, какъ Устряловъ, или писали о наукѣ и литературѣ его времени, какъ Пекарскій, или изслѣдовали судьбы раскола той эпохи, какъ Есиповъ, Щаповъ, или излагали біографіи духовныхъ дѣятелей временъ Петра, какъ Чистовичъ, Самаринъ, Морозовъ, Шляпкинъ, Верюжскій и др. Перечиталъ онъ и не мало журнальныхъ статей о разныхъ предметахъ, относящихся къ его темѣ.

Въ особенности намъ понравилось изложеніе сочиненія, чисто литературное, безъискусственное и стройное. Сочиненіе

читается легко и съ удовольствіемъ. Если дѣловое сочиненіе оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ нескучнымъ, занимательнымъ, это вѣрный признакъ достоинства сочиненія. Для присужденія автору его степени кандидата оно вполне удовлетворительно“.

38) О сочиненіи студента *Семенова Михаила* на тему: „Типы современныхъ оккультическихъ движеній въ Россіи (Анализъ и критическая ихъ оцѣнка)“.

а) И. д. доцента священника *П. А. Флоренскаго*:

„Оккультическія движенія, распространившись въ русскомъ обществѣ отчасти вмѣстѣ съ революціонными идеями, отчасти же послѣ нихъ, какъ ихъ необходимое исторически послѣдствіе, даютъ знать о себѣ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе. Если ранѣе приходилось заниматься „тайными науками“ предвидя наступающую ихъ силу въ широкихъ кругахъ, то теперь сама дѣйствительность заставляетъ считаться съ „мистикою“ этого рода. Блаженный Симеонъ Тесалоникійскій оставилъ, какъ бы нарочито для нашего времени, многозначительную справку: „Мы слышали отъ отцовъ,—говоритъ онъ—, что тѣ, которыхъ часто устрашаютъ привидѣнія, терпятъ это оттого, что крестившіе ихъ іереи не съ вниманіемъ произносили заклинанія и другія священныя молитвы“. Принимая же въ расчетъ, что подъ „со вниманіемъ“ онъ разумѣетъ повтореніе ихъ по нѣскольку,—едва ли не до 9-ти разъ—, приходится признать, что большинство православныхъ окрещено „невнимательно“ и что этимъ обстоятельствомъ можетъ, — хотя бы отчасти —, объясняться успѣхъ спиритуалистическихъ, спиритическихъ и другихъ имъ подобныхъ движеній.

Но, такъ или иначе, а чрезвычайно быстрый ростъ оккультической мистики дѣлаетъ тему г. Семенова и своевременной, и важной. Правда, задача предложенная ему,—скромна по возможнымъ результатамъ и довольно неблагодарна. Вѣдь не изученіе оккультизма вообще—стояло предъ нимъ, а изученіе оккультическихъ движеній именно въ Россіи. Ознакомившись съ оккультизмомъ вообще, но лишь для лучшаго пониманія русскихъ теченій, г. Семеновъ долженъ былъ внимательно рассмотреть обильную, но пустую и не-

рѣдко шарлатанскую литературу, которою питается наша, просвѣщающаяся по части „мистики“, публика. Сюда должно еще присоединить, что литература эта крайне безтолкова, противорѣчива и далеко не откровенна, такъ что составить сводку ея—дѣло требующее терпѣнія и добросовѣстности. Г. Семеновъ внимательно перечелъ большинство повременихъ изданій по вопросамъ оккультизма, особенно—г. Быкова и иже съ нимъ; многое ему приходилось покупать на свой счетъ. По моему приблизительному разсчету онъ изучилъ никакъ не менѣе 15—20.000 страницъ и для своей темы извлекъ оттуда все то, что можно было извлечь. Повторяю, не его вина, если г.г. спиритуалисты и проч. недостаточно искренни, чтобы раскрыть истинное положеніе вещей, но и не достаточно сдержанны, чтобы не пробалтываться о своихъ дѣлахъ, противорѣча себѣ и прикрывая скверную ересь обрывками священныхъ словъ. Г. Семеновъ, оставаясь вѣрнѣе документамъ, не могъ изобразить спиритуалистическаго сумбура въ видѣ стройной и послѣдовательной системы. Напротивъ, то и хорошо, что онъ сумѣлъ сколько-нибудь систематизировать и въ маломъ размѣрѣ представить документы, которые, послѣ него, едва ли у кого будетъ охота перечитывать снова.

Планъ разбираемой работы несложенъ. Послѣ небольшого „вступленія“ (стр. 1—5), въ которомъ устанавливается и разъясняется связь оккультическихъ движеній съ революціей, авторъ указываетъ „причины появленія и распространенія оккультизма“ (стр. 6—16), планъ своей диссертациі (стр. 17—19) и краткій очеркъ „исторіи оккультизма и спиритуализма въ Россіи въ связи съ ихъ исторіей на Западѣ“ (стр. 19—49). Таковы предварительныя главы. Далѣе изучается „организациія спиритуалистическихъ кружковъ“ (стр. 50—100), т. е. практическая часть спиритуализма, и „спиритуализмъ, какъ религіозно-философская доктрина“, т. е. теоретическое его ученіе. Въ этой главѣ, въ частности, рассматриваются вопросы: „о Богѣ“, „о матеріи“, „космологія“, „космогонія“, „антропологическія представленія“, „ученіе о духахъ“ и „объ искушеніи“. Наконецъ, въ послѣдней главѣ разбирается „спиритуализмъ, христіанство и Православная Церковь въ ихъ взаимоотношеніи“.

Планъ г. Семенова настолько естественъ, что не нуждается въ обсужденіи. Но уже изъ него видна особенность.

всей работы, которая выгодно отличает работу г. Семенова от других, на тему об оккультической мистикѣ. Въдѣ большинство изслѣдователей не отдають себѣ отчета, что оккультическая мистика вовсе не есть только ученіе, а есть прежде всего *дѣяніе*, дѣйство, практика; теорія же вырастаетъ уже на почвѣ практики. Вотъ почему, будучи слабой и ничтожной въ своемъ ученіи, этого рода мистика заразительна, сильна и опасна какъ *непосредственное переживаніе*. Вотъ почему г.г. спиритуалисты и пр. тщательно хоронять концы въ воду, когда дѣло идетъ о ихъ практикѣ, и бывають неумѣренно болтливы въ своемъ ученіи, которымъ, кстати сказать, вовсе особенно не дорожатъ. И вотъ почему попытка поставить въ основу изученія оккультической мистики именно практическую ея сторону, а не ученіе,—попытку проникнуть въ ту область, о которой г.г. „мистики“ считаютъ за лучшее молчать,—надо считать цѣнной, даже независимо отъ выполненія ея, за самую мысль. Впрочемъ, даже изъ того, сравнительно немногаго, чѣмъ обмалвливаются спиритуалисты и др. въ своихъ внѣшнихъ,—а таковыя только и публикуются—, писаніяхъ, и изъ того, что доступно взору непосвященнаго наблюдателя, явствуетъ съ несомнѣнностью, что спиритуалистическіе кружки (а равно и большинство другихъ толковъ оккультизма)—кружки *оргіастическіе*, что собранія ихъ—въ большей или меньшей степени *радѣнія*, что наукообразныя изслѣдованія, вѣдущіяся тамъ,—не болѣе какъ внѣшнее занятіе, предъ профанами (хотя даже и тутъ пробивается запахъ хлыстовства), что сами спиритуалисты разумѣють себя какъ членовъ „Церкви Духа Святого“, сходящаго на нихъ въ ихъ сеансахъ. Кошунственно-слащавый тонъ этихъ сеансовъ, панибратство съ Богомъ, самовольство въ отношеніи къ Церкви, нездоровыя возбужденія и т. д.—всѣ эти стороны доселѣ были изучены мало и даже почти не изучены; поэтому сдѣланный г. Семеновымъ подборъ матеріаловъ, поясняющихъ эту, оргіастически-сектантскую природу спиритуализма, безспорно новъ и цѣненъ.

Въ изученіи теоретической стороны спиритуализма г. Семеновъ опять таки не довольствуется общимъ изложеніемъ спиритуалистическихъ идей, часто не имѣющихъ къ нашему обществу никакого отношенія, но старается дать точную картину именно того, что дѣлается въ умахъ и сердцахъ

нашихъ соотечественниковъ. Наконецъ, должно отмѣтить, что и въ историческомъ очеркѣ оккультизма, бѣгло обозрѣвая исторію оккультизма за границею, г. Семеновъ опять таки приводитъ нѣкоторыя мало-извѣстныя и поучительныя справки изъ исторіи русскаго оккультизма. Конечно, это—мелкіе и частные штрихи, да и вся работа состоитъ изъ таковыхъ; но, повторяю, иного и ждать отъ нея было нечего. Для занимающагося подобными изслѣдованіями мелочи г. Семенова могутъ быть нужными и значительными.

Главнымъ недостаткомъ разбираемой работы должно быть признано суженіе ея темы на спиритуализмъ. Правда, наиболѣе популярными изъ оккультистовъ являются спиритуалисты; они же, къ тому, и наиболѣе самобытны у насъ. Но все же, не мѣшало бы, хотя бѣгло, обозрѣть и теософію.

Вторымъ недостаткомъ нужно отмѣтить неровность языка. Изложеніе порою прозрачно и изящно и идетъ почти безукоризненно, порою же языкъ дѣлается неправильнымъ и нескладнымъ, словно авторъ не можетъ выразить своей мысли. Обращаетъ вниманіе и нѣкоторый произволъ въ употребленіи терминовъ. Затѣмъ, нельзя не указать недостаточнаго знакомства автора съ исторіей философіи и исторіей религіи. Этимъ объясняется нѣкоторая упрощенность пониманія излагаемыхъ ученій; чувствуется, что г. Семеновъ ихъ встрѣчаетъ впервые, тогда какъ, на дѣлѣ, это—не болѣе какъ обломки величественныхъ философскихъ системъ и религіозныхъ ученій. Точно также болѣе знаніе психологіи дало бы возможность углубить и сдѣлать болѣе значительными многія изъ тѣхъ явленій, которыя онъ описываетъ. Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, рецензентъ считаетъ работу г. Семенова потребовавшей отъ него не мало усилій, полезною и вполне заслуживающею степени кандидата“:

б) *Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:*

„Сочиненіе (186 стр.) г. Семенова не вполне отвѣчаетъ темѣ: характеристики типовъ русскихъ оккультическихъ движеній съ указаніемъ ихъ внѣшнихъ различій и съ объясненіемъ внутреннихъ причинъ этого различія у него нѣтъ. Но онъ толково и кратко изложилъ основные элементы спиритическихъ воззрѣній и далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о преем-

ственности оккультических фактовъ, что нѣсколько громко назвалъ исторію спиритизма и спиритуализма.

Хотя авторъ поставилъ своею задачею отнестись къ оккультизму „критически подъ угломъ зрѣнія христіанства“ (17 стр.) но дѣйствительной критики у него нѣтъ. Его сочиненіе для читателя можетъ имѣть значеніе лишь какъ введеніе въ изложеніе оккультическихъ ученій, введеніе, которое можетъ помочь приступающему къ изученію оккультизма ориентироваться въ изучаемомъ предметѣ.

Много у автора нескладныхъ, а иногда даже и непонятныхъ выраженій.

Такъ, на 32 стр. „съ увеличеніемъ спиритизма вширь, шло его увеличеніе и вглубь“. Въ оглавленіи, на 185 стр., жажда чловѣка вышаго трансцендентальнаго міра“. Непонятно, идетъ ли рѣчь о чловѣкѣ изъ трансцендентальнаго міра или о чловѣкѣ жаждущемъ трансцендентальнаго міра. Тамъ же далѣе: „проектъ поставляемой нами задачи въ нашей работѣ“. Это понятъ уже совсѣмъ мудрено.

Авторъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать (стр. 184). Рецензентъ болѣе высокаго мнѣнія объ авторѣ и думаетъ, что послѣдній могъ бы сдѣлать и болѣе. Но за всѣмъ тѣмъ должно признать, что недостатки сочиненія покрываются его положительными сторонами. Въ сочиненіи ясный планъ, оно обдуманно и обработано, точка зрѣнія на предметъ у автора правильная.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетвори-тельно.“

39) О сочиненіи студента *Смирнова Ивана* на тему: „Святій Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь-учитель“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„И самыя творенія Великаго Святителя и обширная литература о немъ, особенно умножившаяся ко дню его 1500-лѣтняго юбилея, представляютъ громадный матеріалъ и требуютъ напряженной и усердной работы отъ всякаго, желающаго сказать что-нибудь серьезное и солидное о Великомъ Святителѣ. Авторъ настоящаго сочиненія поставилъ себѣ задачей обрисовать обликъ Святителя—какъ пастыря - учителя по преимуществу. Желаніе автора намъ понятно, поскольку

извѣстны его собственные порывы къ пастырству, постановка центромъ работы учительства Святителя вполне естественна, такъ какъ вѣдь это главное богатство, которое мы имѣемъ отъ Златоуста и теперь; это и главное дѣло его пастырскаго служенія.

Автору удалось, такъ сказать, удержать ту позицію, на которой онъ сталъ въ отношеніи къ предпринятому труду, и взять изъ громаднаго матеріала только то, что относилось къ его задачѣ; удалось сохранить и самостоятельность мысли и взгляда по тѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ личностью Великаго Отца, которые затрогивались ходомъ его работы, напр. о причинахъ его низверженія, о состояніи общества Антиохійскаго того времени и пр.; удалось, кажется, въ личности и дѣятельности Златоуста найти подтвержденіе и какъ бы воплощеніе своихъ идеаловъ пастырства и мыслей о немъ. Автору удалось счастливо избѣжать и того, что портитъ работы подобныя настоящей: увлеченія біографіей и вообще придаточными сторонами работы. Авторъ объ этомъ говоритъ кратко, поскольку требовалось существомъ дѣла и опредѣляло въ полнотѣ работу. Вотъ почему у него и предисловіе и введеніе сравнительно не велики (57 стр.) и представляютъ вполне естественное преддверіе къ работѣ. Пожалуй можно признать естественнымъ то дѣленіе на два главныхъ отдѣла, которое вноситъ авторъ въ свою работу: особо разсматриваетъ періодъ Антиохійскаго служенія и особо періодъ Константинопольскаго, въ зависимости отъ особыхъ условій, въ которыхъ приходилось служить Златоусту. Это значительно облегчало работу автора и по существу конечно опредѣлялось не только хронологіей, а самымъ содержаніемъ учительства Златоуста въ тотъ и другой періодъ его жизни. Намъ только думается, что это раздѣленіе должно бы быть связано въ ходѣ работы какой-нибудь опредѣленной идеей въ приложеніи къ выясненію пастырско-учительной дѣятельности Златоуста. Вѣдь автору нужно было указать не только одну форму и проявленіе учительной дѣятельности Златоуста примѣнительно къ обстоятельствамъ служенія, но и создать *типъ*, выяснитъ цѣльный *внутренній идеальный обликъ* Златоуста, какъ пастыря-учителя. Тутъ хронологія, раздѣляющая какъ бы личность, не особенно должна имѣться въ виду, а даже должна отходить на задній планъ предъ живымъ, цѣльнымъ

обликомъ, который типиченъ и своеобразенъ во всякое время. Мы не говоримъ, что авторъ этого не сдѣлалъ, а отмѣчаемъ только, что у него внѣшняя конструкція какъ бы доминируетъ надъ внутренней непрерывностью раскрывающагося типа дѣятельности пастыря-учителя. Идеаль пастыря-учителя, какъ его понималъ самъ Златоустъ, очерченъ и авторомъ хотя кратко, но вполне опредѣленно и ясно и по преимуществу словами самого Св. Отца (гл. 2, стр. 76—92).

Слабѣ раскрыть имъ пожалуй и уясненъ нравственно-соціальный идеаль І. Златоуста; а это было бы интересно, особенно въ виду попытокъ нѣкоторыхъ легковѣсныхъ писателей, каковъ напр. г. Кудрявцевъ. (Бог. В. 1907), приписать І. Златоусту идеи современнаго социализма и одѣть его въ одежду современныхъ демагоговъ и освободителей. За то авторъ такъ всесторонне характеризуетъ проповѣди І. Златоуста, указываетъ не только ихъ предметъ, поводъ, достоинства и недостатки, но даже и настроеніе самого проповѣдника, что обликъ Златоуста съ этой стороны дѣлается вполне ясенъ. Замѣтно только, что работа автора къ концу, именно во 2-й части—о дѣятельности Златоуста въ Константинополѣ—блѣднѣе, нежели въ 1-й части, когда авторъ описываетъ пастырство Златоуста въ Антиохіи. Думается, причиной тутъ и недостатокъ времени, а можетъ быть и то, что въ существѣ своего внутренняго типа эта дѣятельность та-же, что и въ Антиохіи. Чувствуется въ сочиненіи автора искреннее одушевленіе и отношеніе его къ Златоусту, какъ идеалу, которому хотѣлъ бы подражать и авторъ.

Степени кандидата богословія за сочиненіе свое авторъ достоинъ“.

б) Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостына*:

„Уже изъ длиннаго перечня источниковъ и пособій, представленнаго на первыхъ пяти страницахъ, а еще болѣе изъ обильныхъ цитатъ въ самомъ сочиненіи, во-очію выясняется, какъ усердно потрудился его авторъ, какъ полно и тщательно изучилъ онъ громадный матеріалъ, чтобы обрисовать возможно ярче и живѣе личность и дѣятельность Златословскаго пастыря. И должно признать, что это хорошо удалось г-ну Смирнову, особенно въ отношеніи къ Антиохійскому періоду пастырской дѣятельности святаго Іоанна Златоуста.

Многія страницы въ этой части сочиненія написаны съ такою полнотою и картинностію, что личность идеальнаго пастыря является предъ нами какъ-бы живою. Къ сожалѣнію, въ описаніи Константинопольскаго періода пастырскаго служенія святителя авторъ (быть можетъ, вслѣдствіе недостатка времени) былъ болѣе кратокъ и сухъ... А въ заключеніи своего труда (стр. 383—441), выясняя причины преждевременной гибели великаго Златоуста, онъ съ горячимъ одушевленіемъ развиваетъ мысль о пастырствѣ, какъ „постоянномъ подвигѣ мученичества за правду Христову“. Вся жизнь и служеніе св. Златоуста представляетъ прекрасную иллюстрацію этой глубоко-непреложной истины.

Для степени кандидата богословія изслѣдованіе г-на Смирнова весьма достаточно“.

40) О сочиненіи студента священника *Смирнова Иоанна* на тему: „Синайскій патерикъ въ славяно-русскомъ переводѣ“.

а) И. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго*:

„Памятникъ изслѣдованію котораго посвященъ трудъ о Смирнова, заслуживаетъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ: филологическомъ и историко-литературномъ. По сложившемуся въ наукѣ убѣжденію, онъ былъ переведенъ на ц.-славянскій языкъ еще въ древнѣйшую пору славянской письменности,—и языкъ его перевода заключаетъ въ себѣ массу въ высшей степени цѣннаго матеріала. Въ историко-литературномъ отношеніи онъ интересенъ по своему вліянію на древне-русскую, преимущественно житійную, литературу. Однако въ наукѣ до сихъ поръ еще нѣтъ цѣльнаго изслѣдованія славянскаго перевода патерика ни со стороны его языка, ни со стороны историко-литературной.

Изъ двухъ задачъ, которыя, такимъ образомъ, стояли передъ авторомъ, онъ остановилъ свое вниманіе преимущественно на первой,—болѣе трудной, увлекшей его въ спеціальную область палеографіи и лингвистики,—удѣливъ, впрочемъ, и литературному освѣщенію памятника одну главу.

Приемы изслѣдованія, отношеніе къ источникамъ и обработка матеріала подсказаны автору лучшими научными трудами, посвященными переводнымъ памятникамъ аналогичнаго характера. Онъ послѣдовательно характеризуетъ въ

хронологическомъ порядкѣ переводы патерика (стрр. 1—26), приводитъ въ извѣстность списки его, попутно распредѣляя ихъ по редакціямъ и сообщая свѣдѣнія о греческихъ изданіяхъ (27—52), и, выдѣливъ изъ числа прочихъ славянскихъ списковъ, какъ основную, рукопись Синод. библи. XI—XII в. (№ 551), посвящаетъ цѣлыхъ двѣ главы (53—167) ея подробной характеристикѣ со стороны палеографическихъ и лингвистическихъ ея особенностей. На основаніи анализа текста этой рукописи и лексическихъ данныхъ, заключающихся въ ней, онъ относитъ переводъ патерика къ вѣку царя Симеона и высказываетъ предположеніе о принадлежности его Клименту Величскому (168—300). Въ послѣдней главѣ, не выходя, къ сожалѣнію, за предѣлы уже извѣстныхъ литературныхъ фактовъ, онъ говоритъ о вліяніи Синайскаго патерика на Кіево-печерскій (300—359). Въ приложеніи даны словарь перевода и нѣсколько снимковъ съ рукописи Синод. библи.

Методъ, которымъ орудуетъ въ своемъ изслѣдованіи о. Смирновъ, стоитъ на подобающей научной высотѣ. Принятый планъ онъ развилъ очень стройно и обработалъ талантливо. Синодальный списокъ патерика, привлечшій къ себѣ преимущественное вниманіе автора, описанъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Особенную цѣнность представляютъ наблюденія его надъ лексическимъ матеріаломъ памятника. Трудъ въ общемъ настолько серьезный и основательный, что, въ интересахъ автора и съ полнымъ доброжелательствомъ въ отношеніи къ нему, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу отдѣльныхъ вопросовъ и положеній, имѣя въ виду, что эти замѣчанія могутъ пригодиться ему для продолженія и усовершенствованія сочиненія.

1. Взаимное отношеніе древнихъ переводовъ патерика авторомъ не выяснено до такой степени, чтобы можно было изъ его сочиненія получить ясное представленіе о нихъ. Переводъ Досиѣея, сдѣланный по порученію митр. Макарія, онъ считаетъ „переложеніемъ (=переводомъ) съ старо-славянскаго текста на общеупотребительный“ тогда литературный языкъ, но тутъ же строитъ гипотезу, что Досиѣею былъ извѣстенъ и греческій подлинникъ. При отсутствіи внѣшнихъ данныхъ для сужденія объ отдѣльныхъ переводахъ или пере-

ложеніяхъ патерика вопросъ объ ихъ отношеніи можно рѣшить только путемъ тщательнаго сличенія ихъ съ древнимъ церковно-славянскимъ текстомъ и греческимъ оригиналомъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько послѣдній доступенъ по изданіямъ.

2. Въ первой главѣ дается перечень рукописныхъ патериковъ, при чемъ ихъ насчитывается въ разныхъ библіотекахъ только 14. На самомъ дѣлѣ, на основаніи описаній разныхъ книгохранилищъ, ихъ можно насчитать больше. Назову, напр., бумажныя рукописи Имп. Публ. библ. № 397 или № 1207 (послѣдняя изъ собр. Савваитова) и мн. др.

3. Характеристика орфографическихъ и лингвистическихъ особенностей знаменитой Синод. рукописи въ общемъ выполнена весьма успѣшно. Въ особенную заслугу нужно поставить автору его точный, мѣстами статистическій, методъ. Однакожь, констатируя иногда безцвѣтныя явленія языка, онъ упускаетъ изъ виду такія достопримѣчательности, какъ *родо-сь* и др.

4. По вопросу о времени перевода патерика онъ строитъ гипотезу о принадлежности его Клименту, подтверждая ее иногда довольно мѣткими лексическими параллелями, взятыми изъ текста патерика и дѣйствительныхъ или приписываемыхъ Клименту сочиненій. Но, во-1-хъ, онъ самъ подкапывается подъ свою гипотезу, сближая, на мой взглядъ, неосновательно, языкъ переводчика съ говоромъ солунскихъ славянъ, тогда какъ Климентъ стоялъ во главѣ Охридской школы: Во 2-хъ, словарь акад. Стояновича, которымъ пользуется авторъ, требуетъ къ себѣ крайне критическаго отношенія, такъ какъ въ его основѣ лежатъ едва-ли всѣ сочиненія, дѣйствительно, принадлежащія Клименту.

5. Разборъ лексическаго матеріала страдаетъ нѣкоторыми неточностями. Такъ, авторъ цѣлую группу словъ считаетъ „выдуманьями“ переводчиками (271 стр.). Но стоитъ только внимательнѣе заглянуть въ словарь Миклошича, чтобы увидѣть, что значительная часть ихъ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ ц.-славянскаго языка, слѣдовательно, не можетъ быть отнесена на счетъ личнаго творчества переводчика.

6. Какъ извѣстно, греческій текстъ патерика до сихъ поръ въ полномъ видѣ не изданъ, и это лишило возможности

автора охарактеризовать славянскій переводъ со стороны техники, достоинствъ и недостатковъ. Однако, нельзя не поставить автору въ вину, что онъ не воспользовался для этой цѣли по крайней мѣрѣ отрывочнымъ греческимъ текстомъ, изданнымъ у Миня и использованнымъ авторомъ вполне успѣшно при разборѣ лексики. Едва-ли должно заслуживать сочувствія правило при рѣшеніи трудныхъ научныхъ вопросовъ: если, вслѣдствіе отсутствія изданія, нельзя сдѣлать *всего* для рѣшенія вопроса, то не надо дѣлать *ничего*. Если же авторъ пожелалъ бы и дальше стоять на такой точкѣ зрѣнія, то я очень совѣтовалъ бы ему заняться разысканіемъ полнаго греческаго текста патерика. Мнѣ пришлось видѣть въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ прекрасные греческіе кодексы патерика, о которыхъ свѣдѣнія въ науку, кажется, еще не проникли. Использовать ихъ для изученія славянскаго перевода было бы очень плодотворно.

При всемъ томъ нельзя не признать сочиненіе о. Смирнова достойнымъ самой высокой оцѣнки. Дѣло въ томъ, что онъ работалъ въ трудной области, требующей основательной специальной подготовки, притомъ въ сферѣ вопросовъ, еще неразработанныхъ. Ему пришлось пробивать себѣ на новой дорогѣ путь своими собственными руками, одновременно изслѣдуя памятники и изучая разные курсы по палеографіи и лингвистикѣ. Затрудненія усугублялись отсутствіемъ подъ руками у него основной рукописи, которая не была выслана Синодальной библіотекой въ академію. И однакожъ, онъ успѣшно преодолѣлъ всѣ эти затрудненія. Его сочиненіе обнаруживаетъ и большую освѣдомленность въ области славянской филологіи, и талантливость, и любовь къ серьезному труду. Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ, какъ заслуживаетъ и особеннаго вниманія со стороны Совѣта Академіи“.

б) Экстрасрдинарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа—отличная. Авторъ изслѣдуетъ выбранный имъ памятникъ почти всесторонне: тутъ мы находимъ и подробное палеографическое описаніе его (даже съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ рукописи), и изслѣдованіе языка его въ разныхъ отношеніяхъ (приложенъ даже краткій словарикъ славяно-греческій къ разбираемому памят-

нику); цѣлая глава посвящена и изслѣдованію о вліяніи Синайскаго патерика на литературу русскихъ Житій. Литературу предмета, прямо или косвенно касающуюся его темы, онъ, повидимому, изучилъ тоже хорошо: объ этомъ свидѣтельствуесть множество ссылокъ въ примѣчаніяхъ. Но работа эта—не компиляція: автору пришлось имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ и самостоятельно изслѣдовать его. Существеннымъ пробѣломъ въ этой работѣ является отсутствіе изслѣдованія объ отношеніи славянскаго перевода патерика къ его греческому оригиналу. Авторъ и самъ сознаетъ этотъ недостатокъ (стр. 298), но оправдываетъ его тѣмъ, что Миневскій текстъ для такого сравненія не годится. Вѣроятно, найдутся и другіе недостатки—въ конечныхъ выводахъ изслѣдованія, о которыхъ я, какъ не специалистъ въ этой области, судить не могу; но съ общей точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ эту работу, съ точки зрѣнія метода изслѣдованія, она мнѣ представляется, какъ я сказалъ, отличной“.

41) О сочиненіи студента священника *Смородина Валентина* на тему: „Димитрій (Муретовъ), архіеп. Херсонскій, какъ проповѣдникъ“.

а) И. д. доцента Академіи *В. П. Виноградова*:

„Работа о Смородине представляетъ изъ себя попытку понять и изобразить проповѣдническое творчество преосв. Димитрія, какъ органическій продуктъ его личности. Соотвѣтственно поставленной задачѣ, авторъ исходитъ изъ изображенія личности Херсонскаго витія (гл. II) и затѣмъ пытается вывести изъ свойствъ этой личности особенности ея проповѣдническаго творчества по содержанію (гл. III: общій характеръ проповѣдничества преосв. Димитрія въ отношеніи къ содержанію; гл. IV: отношеніе проповѣдничества преосв. Димитрія къ современности; гл. V: содержаніе проповѣдей преосв. Димитрія) и по формѣ и изложенію (гл. VI). Первая глава (хронологическій обзоръ проповѣднической дѣятельности преосв. Димитрія) устанавливаетъ историческую перспективу изслѣдованія, предисловіе (обозрѣніе періодической печати о пр. Димитріи)—методологическую. Заключение устанавливаетъ мѣсто пр. Димитрія въ исторіи русской проповѣди.“

Поставленную задачу автору не удалось выполнить вполне удовлетворительно. Онъ изучилъ усердно всю біографическую литературу о преосв. Димитріи и изъ нея извлекъ и хорошо скомбинировалъ—для первой главы—всѣ данныя, говорящія о хронологической послѣдовательности проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія, для второй главы—всѣ данныя, рисующія личность преосвященнаго. Но во второй главѣ авторъ сдѣлалъ убійственную для своего сочиненія ошибку. Ему нужно было дать „характеристику“ личности, т. е. систематическое изображеніе, выдвигающее черты личности въ порядкѣ и степени ихъ значенія для послѣдующаго выясненія особенностей проповѣдническаго творчества пр. Димитрія. Авторъ же вмѣсто того далъ біографическій очеркъ жизни, въ которомъ нужныя для гомилетическаго изслѣдованія черты личности выступаютъ блѣдно, разсѣянно, скрываясь за фактами и не сливаясь въ единый, цѣлостный обликъ. Но біографія не могла для автора замѣнить характеристику. Характеристика должна была дать собранный рядъ тезисовъ психологическаго характера, на почву которыхъ и нужно было затѣмъ въ послѣдующемъ изложеніи свести тезисы, добытые изъ анализа проповѣдей преосв. Димитрія. Не давъ самостоятельной цѣльной характеристики, авторъ въ слѣдующихъ главахъ вынужденъ давать ее по частямъ по поводу тѣхъ или другихъ свойствъ проповѣдей изучаемаго витія (напр. стр. 46, 51, 58—59, 60, 62 и др.). Это обстоятельство повело къ двумъ печальнымъ явленіямъ. Во-первыхъ, біографическій очеркъ, данный во II главѣ, остается безъ всякаго примѣненія и пользы въ изслѣдованіи, а во-вторыхъ, отдѣльныя части характеристики личности, разбросанныя безъ органической связи между собою, не даютъ цѣльнаго, живого представленія личности и тѣмъ отнимаютъ возможность создать на ихъ почвѣ яркую и полную характеристику проповѣдническаго творчества. Въ результатѣ у автора получается лишь нѣкоторое сближеніе особенностей проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія съ отдѣльными чертами личности послѣдняго, но не установка генезиса этого творчества изъ цѣльной личности.

Съ высоты проблемы историко-генетическаго свойства, авторъ, такимъ образомъ, спускается къ простому *описанію* проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія. Описаніе

сдѣлано съ большимъ знаніемъ какъ первоисточника—полнаго собранія проповѣдей,—такъ и соприкасающейся научно-гомилетической литературы. Но здѣсь сочиненіе страдаетъ дефектами, обусловленными той же лежащей внѣ области личнаго вмѣненія причиной, которая указана мною въ отзывѣ о сочиненіи г. Ястремскаго, именно—несовершенствами общаго гомилетическаго міросозерцанія. Авторъ, на примѣръ, не представляетъ себѣ ясно и путаетъ содержаніе понятій и терминовъ: догматическое направленіе, практическое направленіе, полемическое (стр. 57—58 и др.), современность (61—62), слово и бесѣда (129), рѣчь (130) и чрезъ то по мѣстамъ лишаетъ свое описаніе достаточной опредѣленности, точности, логической послѣдовательности или же дѣлаетъ странныя утвержденія (напр. стр. 129). Но что особенно характерно здѣсь для сочиненія о. Смородина,—такъ это то, что онъ оказался не въ состояніи найти надлежащаго мѣста для цѣлаго отдѣла, посвященнаго изображенію „пастырско-проповѣдническаго идеала преосв. Димитрія“! Нашъ авторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ помѣстить указанный отдѣлъ безъ всякой связи въ самый конецъ сочиненія, въ заключеніе, посвященное „исторической оцѣнкѣ преосв. Димитрія“. И въ то же время отдѣльныя свѣдѣнія (и при томъ характернѣйшія), относящіяся къ 3-ему отдѣлу, онъ разсыпаетъ по всему сочиненію, начиная съ третьей главы.

Наконецъ въ недостатокъ автору долженъ поставить довольно частое пользованіе словами пособій безъ цитации (напр. стр. 11, 28, 32, 62 и др.).

Достоинства автора—тщательное изученіе источниковъ и пособій и умѣнье пользоваться ими. Авторъ настолько хорошо изучилъ проповѣдничество преосв. Димитрія, что въ заключеніи сочиненія могъ дать чрезвычайно цѣнныя критическія замѣчанія на одну недавно появившуюся, по случаю юбилея, статью, принадлежащую спеціальному представителю гомилетической науки.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) *Ординарнаго профессора А. А. Спаскаго:*

„Авторъ въ совершенствѣ исполнилъ свою задачу. Онъ собралъ все, что касается личности преосв. Димитрія,—свѣдѣнія, сохранившіяся о немъ въ русской литературѣ, біогра-

фическія данныя, составъ его проповѣдей, и соединилъ въ одно гармоническое цѣлое. Проповѣдническая дѣятельность пр. Димитрія изслѣдована имъ во всей полнотѣ, въ ея общихъ направленіяхъ и частныхъ проявленіяхъ. И та характеристика, какую даетъ авторъ его проповѣдничеству, можетъ быть признана вполне отвѣчающей дѣлу. „Это былъ чловѣкъ сердца,—пишетъ онъ на стр. 50,—и живого, впечатлительнаго чувства. Сердечная, чувствующая сторона его духа была развита въ немъ на счетъ другихъ сторонъ и давала тонъ и направленіе всей его душевной дѣятельности“... „онъ, такъ сказать, износилъ предъ слушателями все богатство своей внутренней индивидуальной нравственной мощи, дѣйствующей на внутренней духовный міръ слушателей, ихъ нравственныя состоянія и сердечныя движенія“¹⁾. Проповѣдникъ—моралистъ, вся внутренняя жизнь котораго сосредоточена была на нравственномъ самоусовершеніи, преосв. Димитрій и въ своихъ поученіяхъ проводилъ лишь одну мораль, имѣлъ предъ собой нравственное существо чловѣка со всѣми его пороками и добродѣтелями,—безотносительно къ тому, кѣмъ былъ его слушатель и въ какихъ житейскихъ условіяхъ онъ находился. И поэтому всѣ попытки автора уловить какую-либо современность въ проповѣдяхъ пр. Димитрія (гл. IV) оказываются неудачными. Такая фраза, какъ напр. „наше общественное мнѣніе“ (стр. 73) еще не создаютъ того признака, какой соединяется съ понятіемъ современности, т. е. полного соотвѣтствія опредѣленному историческому факту, да и самъ авторъ, приступая къ изложенію содержанія проповѣдей пр. Димитрія, совершенно правильно заявляетъ, что онъ „чаще всего проповѣдовалъ по побужденіямъ внутренняго характера, а внѣшніе мотивы могли имѣть значеніе лишь косвенное“ (стр. 93).

Авторъ обсуждаетъ какъ личность преосв. Димитрія, такъ и успѣхи его проповѣднической дѣятельности съ замѣтнымъ увлеченіемъ, по мѣстамъ даже въ панегирическомъ тонѣ (см. стр. 14 слл.), но такая постановка дѣла отчасти объясняется тѣми свѣдѣніями, какія находились въ распоряженіи автора и исходили изъ-подъ пера людей, расположенныхъ къ пр. Димитрію; объективнаго критерія онъ не имѣлъ. Въ

---

¹⁾ Последняя фраза взята у Заведеева (см. цитату у автора стр. 52).

концѣ своего сочиненія авторъ даетъ историческую оцѣнку пр. Димитрія, какъ проповѣдника,—въ общемъ правильную; сравнивая его съ Филаретомъ Московскимъ и извѣстнымъ ораторомъ Иннокентіемъ Херсонскимъ; „современность“ послѣдняго слѣдовало бы выставить ярче въ противоположность Димитрію“.

42) О сочиненіи студента *іеромонаха Кирилла (Соколова)* на тему: „Хозяйственное устройство старообрядческихъ общинъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Работа о. Кирилла вызываетъ прежде всего упреки со стороны языка, которымъ она написана. Правильность языка, соблюденіе хотя бы основныхъ правилъ грамматики—необходимое требованіе, предъявляемое ко всякой научной работѣ. Какъ бы ни была велика глубина мысли ученаго изслѣдованія, какъ бы ни были цѣнны его результаты—это не избавляетъ автора отъ обязанности считаться съ грамматикой, и пренебреженіе къ ней вредитъ и мысли и результатамъ изслѣдованія. Что нашъ упрекъ о. Кириллу не голословенъ, приведемъ выписки изъ его сочиненія, показывающія его манеру выражаться:

Стр. V. „Игнорируя остальными условіями“.

7. „Кромѣ этого типа общинъ, который назовемъ исключительно религіознаго характера и происхожденія, по нашему мнѣнію, существовалъ еще другой типъ“.

7—8. „Не только они нападали и грабили по лѣсамъ и и дорогамъ на встрѣчающихся имъ путниковъ“.

10. Жизнь... „предъявляетъ свои требованія и *трактуетъ* условія, а не подчиняется“ и т. д.

11. „Мы уже сказали, что эти общинники для изысканія пропитанія промышляли грабежомъ; также и въ отношеніи нравственномъ жизнь ихъ не была безукоризненна“—какъ будто занятіе грабежомъ, хотя бы и въ XVII в., нельзя разсматривать въ отношеніи нравственномъ.

21. „Живя въ пустынѣ, знакомясь съ раскольниками... у Денисова родилась мысль устроить“ и т. д.

55. „Даніиль Викулинъ званіе настоятеля носилъ какъ *causa honoris*“.

Наша духовная школа всегда ревностно стояла на

стражѣ чистоты и красоты русскаго языка. Вотъ почему мы считаемъ себя особенно обязанными рѣшительно протестовать противъ такого пренебреженія къ языку въ сочиненіи студента, оканчивающаго духовную, притомъ высшую духовную школу. Впрочемъ надо сказать, что начиная съ III главы первой части слогъ автора, благодаря можетъ быть тому, что онъ пріобрѣтаетъ навыкъ и входитъ въ технику писанія,—значительно улучшается.

Обращаясь къ содержанію работы, мы видимъ, что авторъ послѣ нѣсколькихъ неясныхъ заявленій въ предисловіи дѣлитъ ее на двѣ части. Въ первой изъ нихъ онъ даетъ очеркъ происхожденія Выгорѣцкихъ старообрядческихъ общинъ и описаніе ихъ управленія и отношенія къ нимъ правительства. Вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе ихъ хозяйственнаго устройства.

Первая, историческая часть сочиненія, можетъ вызвать немало возраженій. Авторъ исходитъ изъ вѣрной мысли, что устройство Выгорѣцкаго общежитія сложилось подъ двумя вліяніями: сѣвернаго монастыря и сѣвернаго земскаго міра. Но эта вѣрно высказанная мысль какъ бы брошена и не обставлена достаточными доказательствами. Въ исторической части авторъ совсѣмъ не проявляетъ критическаго отношенія къ той литературѣ, изъ которой онъ почерпаетъ свѣдѣнія. Онъ вписываетъ вычитанные факты въ свою работу безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Онъ прочелъ напр., что князья Мышецкіе, изъ рода которыхъ происходили Денисовы, были новгородскіе князья, которые будто бы „нѣкогда играли немалую роль въ борьбѣ Новгорода съ московскимъ правительствомъ за свободу и сохраненіе самобытныхъ началъ самоуправленія“ (17)—и ему не приходитъ на мысль, что на самомъ дѣлѣ князья Мышецкіе были скромными новгородскими помѣщиками, что они испомѣщены были московскимъ же правительствомъ въ Новгородскомъ уѣздѣ уже въ концѣ 90-хъ г.г. XV вѣка, т. е. уже значительное время спустя послѣ паденія самостоятельности Новгорода и именно для того, чтобы служить оплотомъ Московскому правительству среди новгородскаго общества. Въ историческій рассказъ авторъ вноситъ слишкомъ большой элементъ фантазіи. Полна фантазіи характеристика Андрея Денисова, у котораго будто бы „фамильныя преданія о славі

и знаменитости предковъ, пробуждавшія униженную боярскую гордость, способствовали не только развитію ненависти, но даже и стремленія отомстить родовому врагу“, т. е. московскому правительству. Князья Мышецкіе были издавна захудалымъ родомъ, въ которомъ едва ли сохранялись какія-либо преданія о славі и знаменитости предковъ; по крайней мѣрѣ. Мышецкіе временъ Андрея Денисова столѣтій за шесть до XVIII в. такихъ знаменитыхъ предковъ указать очень бы затруднились. *Боярской* гордости у потерявшихъ титулъ потомковъ этого рода въ XVIII в. едва ли могло быть много, такъ какъ Мышецкіе и не бывали боярами. Издавна неважные провинціальныя помѣщики, почему они стали бы питать ненависть къ московскому правительству, снабдившему ихъ помѣстьями, да еще какъ къ родовому врагу, да еще на протяженіи четырехъ столѣтій? Кажется, это срокъ достаточный для погашенія всякой ненависти и вражды, и примирились же съ Московскимъ правительствомъ потомки другихъ видныхъ княжескихъ фамилій, дѣйствительно когда то лишенныхъ Москвою ихъ самостоятельности и владѣній. Совершенно уже невѣроятнымъ кажется намъ объясненіе чувства мести къ правительству у Андрея Денисова изъ родовыхъ воспоминаній. Все это чистая фантазія, вычитанная авторомъ у другихъ и безъ всякой критики переносимая въ его трудъ. Можно указать далѣе случай, когда собственное воображеніе автора разрисовываетъ заимствованныя извѣстія и преувеличиваетъ ихъ до неузнаваемости. Прочтя въ нашей книгѣ „Земское Самоуправленіе“ I, 102—103 о томъ, что „княгиня Анна Кирилловна Мышецкая происходила изъ знаменитаго коммерческаго рода Босыхъ, имѣвшаго большія владѣнія въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, и сдѣлала видную для нея партію, выйдя за князя Данилу Ефимовича Мышецкаго, породнившагося съ Босыми, по всей вѣроятности, ради поправленія своихъ обстоятельствъ, такъ какъ родъ Мышецкихъ и въ XVII в. былъ въ значительной мѣрѣ захудалымъ“, о. Кирилль дѣлаетъ неожиданное заключеніе, что „нѣкоторые изъ нихъ (Мышецкихъ), чтобы существовать, вынуждены были позорно продать свой княжескій титулъ“. Здѣсь авторъ, во-первыхъ, единственный указанный случай брака размножилъ: вмѣсто одного кн. Данилы Ефимовича явились уже *нѣкоторые*, которые были вынуждены, а,

во-вторыхъ, совсѣмъ уже намъ непонятно, почему о Кириллѣ бракъ захудалаго князя съ представительницей богатой купеческой фамиліи считаетъ явленіемъ *позорнымъ*. Вооружаясь противъ неумѣренной фантазіи, мы также противъ слишкомъ общихъ мѣстъ въ характеристикахъ. Что напр. говорятъ такія слова автора, какъ „Андрей Денисовъ въ своемъ лицѣ представлялъ комплексъ всевозможныхъ идей“?

Къ числу неясностей относимъ и то краснорѣчивое описаніе состоянія источниковъ по исторіи Выгорѣцкихъ обществъ, которое дается въ предисловіи (VII) и которое объясняетъ, почему авторъ не могъ воспользоваться первоисточниками. „Приходо-расходныя книги“, пишетъ авторъ, „опись имущества и хозяйственные инвентари: живой и мертвый погибли безслѣдно“. Интересно, что авторъ подразумѣваетъ подъ живымъ инвентаремъ? Если то, что называется живымъ инвентаремъ въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. скотъ, то что же удивительнаго, что этотъ живой инвентарь XVIII вѣка не дожилъ до XX-го? Отмѣтимъ далѣе неточности, допускаемыя авторомъ. „Теперь“, читаемъ мы на стр. 122, „когда существованіе общины (послѣ указа 1705 г.) юридически было обезпечено, старообрядцы наравнѣ съ прочими подданными предъявляютъ правительству требованія“. Правительству Петра I никакіе подданные требованія предъявлять не смѣли, а тѣмъ болѣе не могли этого сдѣлать старообрядцы, только терпимые правительствомъ Петра. Авторъ не сказалъ бы того, что онъ сказалъ, если бы понималъ эпоху, о которой идетъ рѣчь.—На стр. 4 непонятно географическое опредѣленіе: общины „заняли пространство, лежащее между сѣвѣрною губою Онежскаго озера и Онежскою губою Бѣлаго моря, а на югѣ граничащее Выгозеромъ“. Если на югѣ границею было Выгозеро, то причѣмъ же здѣсь сѣвѣрная губа Онежскаго озера, находящаяся южнѣе Выгозера? „Къ концу XVII в.“, говоритъ авторъ (162), „почти весь Каргопольскій уѣздъ входилъ въ территорію владѣній Соловецкаго монастыря“. Это сильно преувеличено; въ Каргопольскомъ уѣздѣ было, дѣйствительно, не мало владѣній Соловецкаго монастыря, но этотъ уѣздъ „почти весь“ не былъ монастырскою территоріей. Главную массу его земель составляли черныя, государственныя земли.—Описывая торговлю Выгозерцевъ (230) авторъ утверждаетъ, что успѣхъ торговли ихъ съ Сибирью

былъ такъ великъ, что обратилъ на себя вниманіе правительства и вынудилъ его къ изданію строгихъ мѣръ, воспреещающихъ эмиграцію въ Сибирь старообрядцевъ. Эмиграція онежскихъ старообрядцевъ въ Сибирь воспрещалась не вслѣдствіе развитія ихъ торговли съ Сибирью, а изъ боязни опустѣнія Онежскаго края, мѣры къ заселенію котораго принимались еще правительствомъ XVII вѣка.

Вторую часть сочиненія мы считаемъ много болѣе удачной. Авторомъ, хотя и не изъ первыхъ рукъ, собрано значительное количество фактовъ, рисующихъ разныя стороны хозяйственнаго быта выговскихъ общинъ, ихъ земледѣльческаго хозяйства, промысловъ, торговли и финансовъ. Въ результатѣ получается изобразительная картина экономического могущества общинъ и процвѣтанія нѣкогда пустынного сѣвернаго края, попавшаго въ трудолюбивыя руки.

Начитанность автора въ спеціальной литературѣ, проявленная имъ трудоспособность и любовь къ избранной темѣ даютъ, по моему мнѣнію, ему право на полученіе степени кандидата“.

б) *Ординарнаго профессора М. М. Тарьева:*

„Довольно интересная по содержанію работа страдаетъ крупными литературными недостатками. Затронутый авторомъ вопросъ объ отношеніи религіозной догматики къ общественно-хозяйственному строю нисколько имъ не освѣщенъ. Впрочемъ сочиненіе свидѣтельствуетъ о немаломъ трудѣ автора. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

43) О сочиненіи студента *Сомова Николая* на тему: „Древне-еврейская семья по законамъ Пятокнижія Моисея и семейный бытъ по законамъ Гаммураби“.

а) *Экстраординарнаго профессора священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе г. Сомова состоитъ изъ небольшого введенія и 3 главъ, распадающихся на параграфы. Во введеніи авторъ говоритъ о нравственно-дидактическомъ значеніи Библейскихъ законовъ и фактовъ и сообщаетъ данныя объ открытіи и содержаніи законовъ Гаммураби. Въ первой главѣ своей работы авторъ занимается Библейскою терминологіею касательно различныхъ формъ спеціального устройства, ана-

лизируетъ еврейскія выраженія, соотвѣтствующія понятіямъ: колѣно, племя, семейство. Установивъ дифференціально эти термины, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на понятіи „байтъ“—домъ, въ смыслѣ семейства, изучаетъ составъ семейства въ Библейской древности и основаніе семейнаго быта—солидарность семьи въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Во второй главѣ г. Сомовъ собираетъ опредѣленія и факты, иллюстрирующіе древне-еврейскій бракъ и правовое взаимоотношеніе супруговъ, причемъ много говоритъ о выдвигаемой въ послѣднее время теоріи первобытнаго матриархата, о предполагаемыхъ Библейскихъ матриархахъ и вообще о положеніи женщины въ древне-еврейской семьѣ, разбираетъ виды брака (моногамія, полигамія, эндогамія, экзогамія), указываетъ предполагаемыя въ Библейскомъ законодательствѣ препятствія къ браку, отмѣчаетъ и отчасти описываетъ способы заключенія брака и въ концѣ упоминаетъ о левиратномъ бракѣ. Въ третьей главѣ г. Сомовъ говоритъ о взаимоотношеніи членовъ семьи (подъотдѣлы: отецъ, мать, дѣти, воспитаніе дѣтей, сюда же отнесенъ вопросъ о разводѣ и наследованіи). Сочиненіе имѣетъ заключительную часть, гдѣ авторъ пытается резюмировать данныя своего изслѣдованія и разсмотрѣть ихъ подъ угломъ вѣры въ моральное совершенствованіе человѣчества, особенно народа Божія подъ водительствомъ благодати. Таковъ планъ и общій конспектъ работы г. Сомова: по полнотѣ изслѣдованія предмета, подлежавшаго изученію, работа г. Сомова—выдающійся кандидатскій трудъ; онъ съ любовью останавливается на деталяхъ Библейскихъ повѣствованій и съ тщательностью приводитъ законы Пятикнижія, освѣщающія эти повѣствованія. Правда, автору можно сдѣлать упрекъ, что онъ болѣе удѣляетъ вниманія библейско-археологическому матеріалу, чѣмъ собственно текстуально-критическому изученію законовъ Пятикнижія, однако этотъ сдвигъ его работы былъ отчасти обусловленъ указаніями рецензента, привлекавшаго вниманіе писавшаго къ наиболѣе спорному и наименѣе изслѣдованному въ западной наукѣ. Г. Сомовъ прекрасно владѣетъ новыми и древними языками (особенно французскимъ), а потому онъ могъ ознакомиться съ западною Библейско-археологическою литературою по затронутому вопросу. Немалую услугу автору оказала монографія Levy.

La famille dans l'antiquité israélite, равно компендиозная работа Buchholz. Die Familie in rechtlicher und moralischer Beziehung nach mosaisch-talmudischer Lehre. Въ отдѣлѣ о положеніи рабовъ г. Сомовъ пользовался книгою Tony André, L'esclavage chez les anciens hebreux. Подлежавшіе сравнительному изученію законы Гаммураби авторъ имѣлъ предъ собою въ транскрибированномъ подлинникѣ въ изданіи Мюллера (Вѣна 1903) и въ номо-экзегетическихъ работахъ Лягранжа и Гриммэ. Въ сопоставленіи законовъ Гаммураби съ Библейскими нормами касательно семейнаго устройства и быта авторъ преслѣдовалъ апологетическую задачу—показать превосходство Моисеева законодательства и формъ еврейскаго быта сравнительно съ бывшимъ въ древней Вавилоніи и сздавшимся подъ исключительнымъ воздѣйствіемъ земныхъ факторовъ.

Изъ частныхъ недостатковъ работы г. Сомова можно указать: 1) приведеніе еврейскихъ словъ и выраженій въ транскрипціи, что можетъ вызывать сомнительное чтеніе. Транскрипція понятна въ работахъ, предназначенныхъ къ напечатанію, по типографскимъ соображеніямъ, но врядъ ли умѣстна въ сочиненіи рукописномъ, представляющемъ опытъ монографіи, рецензируемой специалистомъ; 2) увлеченіе иностранными выраженіями и новообразованія словъ, на примѣръ: интегрируетъ, израилитизированіе и т. п.; 3) неудачные эпитеты по мѣстамъ (впрочемъ рѣдко), на примѣръ: осѣдлая монархія, молодая дѣвочка; 4) фактическія неточности, на примѣръ, а) предположеніе о существованіи у евреевъ древне-библейскихъ временъ кліентелы, обязательныхъ отношеній между освобожденными рабами и прежними владѣльцами, б) отсутствіе анализа понятія *геръ*, благодаря чему пришельцы включаются въ составъ еврейскихъ семействъ; с) нежеланіе справляться съ общимъ Библейско-моисеевымъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя общія явленія индивидуализируются, считаются характерными для положенія іудейскихъ прозелитовъ, на примѣръ, о пользованіи плодами полей и садовъ въ субботній годъ или о возвращеніи земли прежнему владѣльцу въ юбилей (*restitutio in integrum*). Однако наряду съ погрѣшностями въ сочиненіи попадаются и весьма солидные выводы, такъва попытка установить генетическую близость понятій לְבָנָיִם и סֵבִיבָיִם , отличить явленіе левирата отъ геулла לְבָנָיִם , точное раздѣльное представленіе

правъ семейной собственности и наслѣдованія. Какъ цѣлое, сочиненіе г. Сомова—вполнѣ солидная кандидатская работа, открывающая въ авторѣ хорошаго лингвиста и убѣжденнаго православнаго богослова“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Студентъ Николай Сомовъ въ 3-хъ главахъ своей работы путемъ сравнительнаго метода обслѣдуетъ вопросъ о семьѣ и объ особенностяхъ семейнаго быта древнихъ израильтянъ, сравнительно съ семейнымъ бытомъ вавилонянъ.

Что касается общаго рѣшенія вопроса, то въ этомъ отношеніи работу автора нужно признать безупречною. Авторъ, какъ библиистъ-апологетъ, всюду отмѣчаетъ моральныя основанія, на которыхъ покоилась семейная жизнь древнихъ израильтянъ въ то время, какъ у древнихъ вавилонянъ и въ условіяхъ семейнаго быта всюду проглядываетъ экономическій принципъ. И эти общіе выводы авторъ дѣлаетъ послѣ знакомства съ пятокнижіемъ Моисея и послѣ тщательнаго анализа законовъ Гаммураби, съ которыми онъ познакомился по лучшимъ, хотя и небольшимъ по объему, пособіямъ, какъ, напримѣръ, Muller'a, Jeremias'a. Но безупречная въ цѣломъ, работа г. Сомова не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что, давая обобщенія по интересующимъ автора вопросамъ, онъ не всегда обосновываетъ ихъ на точныхъ данныхъ Библии. Специалистъ можетъ угадывать интересовавшія автора мѣста Библии, но фактическая и документальная обоснованность сужденій автора должна быть, конечно, налицо въ каждой научной работѣ. Это въ особенности нужно сказать о главахъ, гдѣ говорится о положеніи дѣтей въ семьѣ. Рѣшеніе вопроса о положеніи и значеніи матери въ семьѣ нужно признать нѣсколько поверхностнымъ. Обращаютъ на себя вниманіе также нѣкоторые стилистическіе недочеты, которые мы отмѣчали иногда на самомъ сочиненіи.

Но всѣ указанные нами недостатки сочиненія студента Сомова не такъ существенны, чтобы ими серьезно принижалась цѣнность добросовѣстной, выполненной съ пониманіемъ дѣла, серьезной богословско-апологетической работы. Степени кандидата студентъ Сомовъ вполнѣ достоинъ“.

44) О сочиненіи студента *Сперанскаго Алексія* на тему: „Законодательство Императора Юстиніана по церковному управленію предъ судомъ источниковъ каноническаго права“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ предисловія (I—VШ), обзорнія источниковъ и пособій (IX—XXXIX), пяти главъ и заключенія.

Глава 1-я даетъ общую характеристику личности Юстиніана, его отношеніе къ христіанской церкви и общіе принципы его законодательства по вопросамъ церковнаго управленія (1—100).

Глава 2-я содержитъ характеристику законодательства, опредѣляющаго государственное положеніе церкви, въ частности—законовъ противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ и догматическихъ законовъ Юстиніана (101—200).

Глава 3-я характеризуетъ церковное устройство по законодательству Юстиніана, въ частности—патріаршее устройство и автокефальныя церкви; преимущества высшихъ іерарховъ сравнительно съ правами епархіальныхъ епископовъ (201—328).

Глава 4-я разсматриваетъ законодательство объ избраніи и поставленіи епископовъ: личныя качества кандидатовъ во епископы, избирательныя права клира и народа; утвержденіе новоизбраннаго и возраженія противъ правильности избранія; ставленныя пошлины (стр. 329—428).

Глава 5-я разсматриваетъ законодательство, опредѣляющее церковныя и гражданскія права и преимущества епископовъ, въ частности: личныя права епископовъ; имущественныя и наслѣдственныя права; права и обязанности по церковному управленію. Положеніе епископовъ въ администраціи государства. Гражданскія, административныя и полицейскія права и обязанности епископовъ (стр. 429—496).

Въ заключеніи авторъ заявляетъ, что представленная работа далеко не выполнила всего предначертаннаго плана, и даетъ краткій конспектъ главъ: VI-й (о клирикахъ), VII-й (о монашествующихъ и о монастыряхъ), VIII-й (о церковномъ имуществѣ) и IX-й (о церковномъ судѣ), матеріалъ для

которыхъ имъ собранъ, но по недостатку времени не приведенъ въ надлежащей обработкѣ.

Рецензентъ не можетъ не довѣрять этому заявленію въ виду того, что этотъ матеріалъ въ большой массѣ содержится въ тѣхъ же законахъ Юстиніана, которые уже изучены были авторомъ при составленіи имъ законченныхъ и обработанныхъ главъ разсматриваемаго сочиненія.

Что касается сочиненія въ данномъ его видѣ, то оно характеризуется слѣдующими свойствами:

а) Авторъ обнаруживаетъ замѣчательное усердіе въ собраніи и изученіи матеріала для сочиненія: объ этомъ свидѣтельствуется точный перечень тѣхъ первоисточниковъ и пособій русскихъ и иностранныхъ, каковыя использовалъ авторъ въ теченіи года и реестръ которыхъ (съ краткою ихъ характеристикю) представилъ въ началѣ своего сочиненія.

б) Авторъ положилъ много труда въ изученіи подлиннаго законодательства Юстиніана, для чего нужно владѣть не только знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, но и пользоваться спеціальными юридическими пособиями по византійско римскому праву. Какъ показываетъ сочиненіе, авторъ преодолѣлъ предстоявшія здѣсь затрудненія. Онъ вполне овладѣлъ языкомъ Юстиніанова законодательства.

Такое же усердіе авторъ приложилъ и къ изученію источниковъ и пособій каноническаго права по тѣмъ его отдѣламъ, какіе послужили предметомъ Юстиніанова законодательства.

в) Свои обширныя свѣдѣнія по данному предмету авторъ изложилъ въ формѣ стройной, вполне научной монографіи. Она начинается сжатой, мастерской характеристикой нравственной личности Юстиніана, какъ прекрасно образованнаго, талантливаго, необыкновенно дѣятельнаго и въ высшей степени тщеславнаго самодержца, цесаря, „благочестиваго, славнаго, счастливаго, побѣдоноснаго, августа“, завѣтной мечтой котораго было воплотить этотъ титулъ въ жизнь (стр. 19). Задавшись грандіозною цѣлью объединить все законодательство, всю жизнь подвластной ему имперіи въ одно цѣлое, Юстиніанъ не могъ, конечно, оставить безъ своего вниманія и Церковь, обнимавшую собою столь видную сферу общественной жизни. Но въ этомъ стремленіи онъ столкнулся съ роковой задачей—примирить непримири-

мое по существу:—объединить римское государственное право и христианскій канонъ. Слить ихъ въ одно цѣлое было невозможно и потому явилась необходимость найти между ними точку соприкосновенія, установивъ въ то же время ихъ самостоятельность и независимость другъ отъ друга въ собственной сферѣ cadaго изъ нихъ. Надо отдать справедливость генію Юстиніана: формально онъ дѣйствительно точно и всесторонне опредѣлилъ взаимоотношеніе закона и канона (стр. 44—45).

Признавъ торжественно не только равенство церковнаго канона съ государственнымъ закономъ, но даже и преимущество предъ послѣднимъ, Юстиніанъ формально во всемъ своемъ законодательствѣ по церковнымъ дѣламъ опирается на первый. Его конституціи и новеллы этого рода весьма тщательно цитируютъ и тексты Св. Писанія, и каноны соборовъ, и правила и творенія св. отцовъ. Но соотвѣтствуетъ ли этому формальному согласію дѣйствительное содержаніе Юстиніанова законодательства?—вотъ достойный глубокаго вниманія вопросъ. Разрѣшеніе этого вопроса и составляетъ крайнюю задачу изслѣдованія автора. Стремленіе рѣшить его основательно, тщательнымъ анализомъ параллельнаго законодательства—церковнаго, каноническаго и собственно юстиніановскаго и составляетъ мотивъ, воодушевлявшій автора въ его трудѣ изученія.

Сославшись на дов. распространенное мнѣніе въ западной и отечественной наукѣ о строгомъ соотвѣтствіи Юстиніанова законодательства церковнымъ канонамъ, авторъ говоритъ: „намъ кажется, что говорить о строгомъ согласіи или, наоборотъ, о несоотвѣтствіи государственныхъ законовъ и каноновъ церкви можно лишь послѣ того, какъ будетъ произведено самое подробное, послѣдовательное и тщательное сопоставленіе всѣхъ узаконеній Юстиніана по вопросамъ церковнаго управленія съ основными источниками каноническаго права“ (стр. 94). „Къ такому именно подробному, сравнительному анализу закона и канона мы и переходимъ теперь и только этотъ анализъ поможетъ намъ дать надлежащій отвѣтъ на вопросъ: насколько соотвѣтствуетъ законодательство императора Юстиніана канону церкви Христовой?“ (стр. 96).

Слѣдующія за введеніемъ главы II, III, IV и V-я дѣйствительно и содержатъ такой канонико-юридическій анализъ

Юстинианова законодательства. Анализъ—весьма удовлетворительный.

Авторъ далеко не окончилъ всего сочиненія; но и то, что онъ успѣлъ сдѣлать; даетъ ему полное право отвѣчать на вопросъ темы слѣдующимъ категорическимъ заключеніемъ. „Послѣдовательное изученіе и сопоставленіе законодательства Юстиниана съ источниками каноническаго права католической церкви показываетъ, что утвержденія нѣкоторыхъ ученыхъ „о полномъ и строгомъ согласіи“ закона и канона нельзя признать вполне точными“.

„Въ дѣйствительности между государственными и каноническими узаконеніями оказывается слишкомъ много не-сроднаго и даже противорѣчиваго и притомъ не только по буквѣ, но главнымъ образомъ по духу... Если въ началѣ почти cadaго указа стояла фраза: узаконяемъ, во всемъ послѣдую божественнымъ канонамъ,—то на практикѣ выдвигался принципъ, высказанный императоромъ представителю церкви—папѣ Агапиту: „держись моего мнѣнія, или я тебя сошлю“. Это мнѣніе — идея всеобъемлющаго государства, имѣющаго началомъ и концомъ личность императора самодержца, все объединяющаго въ себѣ самомъ и направляющаго всѣ стороны жизни къ собственной цѣли. Не государство склонялось предъ универсальностью церкви, а церковь вводилась въ государство въ качествѣ лишь одной изъ составныхъ частей; канонъ церковный становился также лишь частью общегосударственнаго закона и, какъ часть, долженъ былъ приспособляться къ основнымъ принципамъ цѣлаго“ (стр. 503—504).

Признаю сочиненіе не только вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени, но и вполне пригоднымъ, при условіи его окончанія въ томъ же духѣ, для соисканія магистерской степени.“

б) Ординарнаго профессора *А. А. Спаскаго*:

„Разсмотрѣвъ сочиненіе *А. Сперанскаго*, я нахожу его выдающимся по своимъ достоинствамъ и выражаю свое полное согласіе какъ съ отзывомъ проф. *Н. Заозерскаго*, такъ и съ отмѣченнымъ на сочиненіи балломъ“.

45) О сочиненіи студента священника Струминскаго *Мартина* на тему: „Сущность жизни. Біологическая проблема въ спеціально-научномъ и религіозно-философскомъ освѣщеніи“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„О. Струминскій расположилъ свое сочиненіе по такому плану: *Введение*, въ которомъ онъ говоритъ о задачахъ труда и даетъ исторію вопроса (стр. 1—68); *Часть первая*—жизнь, какъ научная проблема (стр. 71—226); *Часть вторая*—жизнь, какъ религіозно-философская проблема (стр. 229—426), и *Заключеніе* (стр. 427—445).

Планъ, какъ видимъ, естественный, такъ какъ вытекаетъ изъ существа задачи, опредѣляемой темою, и вполне ясный. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о детальномъ подраздѣленіи частей сочиненія. Въ первой части авторъ пытается установить спеціально - научное понятіе о жизни и, справедливо отклоняя отъ себя задачу дать *формулу исчерпывающаго опредѣленія жизни*, раскрываетъ понятіе о ней путемъ перечисленія и разъясненія существенныхъ признаковъ, по которымъ мы отличаемъ живое отъ безжизненнаго, и сообразно съ этимъ подраздѣляетъ первую часть сочиненія такъ: организациа, размноженіе, питаніе, ростъ, регенераціа, развитіе, наследственность, смерть. Во второй части, прежде чѣмъ переставитъ вопросъ на общую религіозно - философскую почву, онъ говоритъ опять о *признакахъ*, отличающихъ живое отъ безжизненнаго и, съ этою цѣлю, разсматриваетъ организмы со стороны ихъ вещественнаго состава, формы („морфологіа организма“), происхожденія („генетическія особенности организма“) и цѣлесообразности („органическая телеологіа“), на основаніи чего затѣмъ и устанавливаетъ свои основные тезисы о самостоятельности начала органической жизни и безспорныхъ преимуществахъ витализма предъ механизмомъ. Не трудно замѣтить, что, при такомъ подраздѣленіи частей сочиненія, автору не легко было избѣжать повтореній. На дѣлѣ такъ оно и есть. Въ сущности, и во второй части своего труда онъ стоитъ на спеціально - біологической, а не на общей религіозно-философской точкѣ зрѣнія. Правда, попутно онъ вплетаетъ въ канву сочиненія и соображенія этого послѣдняго порядка, но, именно вслѣдствіе этого самаго, они выступаютъ не отчетливо и блѣдно:

спеціально-научный элемент рѣшительно подавляетъ элементъ религіозно-философскій, въ явный ущербъ требованіямъ темы. Было бы несравненно лучше, если бы, согласно со своимъ собственнымъ основнымъ дѣленіемъ сочиненія, онъ наполнилъ каждую часть только свойственнымъ ей содержаніемъ.

Это первый недостатокъ труда о. Струминскаго.

Вторымъ его недостаткомъ,—менѣе существеннымъ, но все же достаточно ощутительнымъ,—слѣдуетъ признать неравномѣрность его обработки. Первая часть написана очень хорошо: хотя и здѣсь встрѣчаются иногда досадные недосмотры и неточности, однако, очевидно, на этой части сочиненія авторъ сосредоточилъ главное свое вниманіе. Но вторая часть обработана значительно слабѣе, а къ концу и совсѣмъ слабо: изложеніе растянуто и лишено не только надлежащей экспрессіи, но на иныхъ страницахъ и достаточной отчетливости, хотя въ самомъ концѣ сочиненія („Заключеніе“) авторъ опять поднимается на характеризующую первую часть его труда высоту отчетливой логики и убѣдительности. Введеніе же,—собственно исторія вопроса,—оставляетъ желать очень и очень многого: исторія вопроса изложена по вторымъ источникамъ и притомъ довольно бессистемно. Въ частности, съ Аристотелемъ дѣло обстоитъ у автора уже и совсѣмъ печально: мысль философа намѣчена отрывочно и неясно,—что, очевидно, зависѣло отъ обработки вопроса по вторымъ источникамъ (по Шнейдеру).

Таковы недостатки сочиненія. Изъ достоинствъ главное—очень большая освѣдомленность автора въ литературѣ вопроса: онъ перечиталъ массу сочиненій,—на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ,—видимо съ большимъ вниманіемъ, и пользуется ими умѣло и разборчиво. Онъ обладаетъ недюжиннымъ критическимъ умомъ и тактомъ, внимательно взвѣшиваетъ прочитанное и, хотя сравнительно лишь очень рѣдко вступаетъ въ полемику со взглядами, которыхъ не раздѣляетъ, но свою линію ведетъ твердо и, когда тому или иному теоретику возражаетъ, то возражаетъ съ вѣсомъ. Основная религіозно-философская точка зрѣнія автора,—теистическая и, частію, апологетическая,—намѣчена опредѣленно и правильно, хотя, какъ было сказано выше, ея обоснованіе оставляетъ многого желать. Обусловлено это, повидимому, отчасти тѣмъ, что авторъ затратилъ очень много времени и силъ

на ознакомленіе со спеціальной литературою вопроса, въ которой, какъ всѣ питомцы духовной школы, чувствовалъ себя новичкомъ, такъ что у него оставалось уже сравнительно мало времени и силъ на обработку философіи вопроса, отчасти же, конечно, и—чрезвычайною трудностію предмета, предъ которымъ останавливались въ изнеможеніи и несравненно болѣе ученые и опытные изслѣдователи—теоретики. Сочиненіе написано съ любовію къ дѣлу и съ большимъ усердіемъ, хорошимъ, почти безукоризненнымъ языкомъ,—строгимъ и стильно, безъ декламационнаго пафоса, столь нерѣдкаго въ разсужденіяхъ этого рода. Одно развѣ лишь можно поставить автору въ вину, когда рѣчь идетъ о формально-литературной обработкѣ сочиненія,—неисправность греческихъ цитатъ (авторъ, напримѣръ, съ непостижимымъ упорствомъ игнорируетъ ударенія надъ греческими словами) и иногда,—рѣдко, впрочемъ,—неточность перевода съ нѣмецкаго (напримѣръ, на стр. 376 терминъ Systemkräfte авторъ переводитъ: „системы силъ“, тогда какъ слѣдовало перевести: „системныя силы“, т. е. силы организующія).

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе о. Струминскаго болѣе, чѣмъ удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:

„О. Струминскій въ своемъ изслѣдованіи (445 стр., первыхъ двухъ страницъ не существуетъ) устанавливаетъ невозможность объяснить явленія жизни при помощи однихъ физико-химическихъ факторовъ и необходимость познанія особаго нематеріальнаго начала, производящаго органическую жизнь. Онъ характеризуетъ жизнь признакомъ телеологичности и дѣлаетъ отсюда самъ и отчасти подсказываетъ рядъ религіозно-апологетическихъ доводовъ.

Въ своемъ сочиненіи онъ даетъ исторію вопроса и знакомитъ съ современною литературою о немъ, главнымъ образомъ—русскою и отчасти нѣмецкою.

Въ работѣ о. Струминскаго подкупаютъ интересъ и любовь, проявляемые имъ къ его темѣ. Вопросъ, видно, захватилъ его, онъ не могъ быть широко подготовленъ къ критическому обсужденію его съ естественно-научной стороны, но тѣмъ болѣе должно быть поставлено ему въ заслугу, что

онъ не растерялся, не разбросался среди безчисленнаго множества разныхъ книгъ и статей, онъ ознакомился съ существенно нужнымъ, систематизировалъ и суммировалъ изученное и далъ довольно хорошо обоснованные выводы, которые апологетъ можетъ только привѣтствовать.

Но недостатокъ подготовки и недостатокъ времени для ея восполненія, разумѣется, не могли не сказаться на его трудѣ. О. Струминскій недостаточно освоился съ естественно-научной терминологіей и естественно-научными фактами. Если бы онъ пожелалъ напечатать свое сочиненіе, то ему предварительно нужно было бы еще прокорректировать свой текстъ.

Я укажу нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіи, нуждающіяся въ поправкахъ.

На 15 стр. о. Струминскій отождествляетъ потенциалъ (=потенціальную функцію) съ потенциальной энергіей. Это—ошибочно.

На 254 стр. о. Струминскій пишетъ: „для кристалловъ характерны съ морфологической стороны ребра, углы, канты и строго геометрическія фигуры“. Этотъ тезисъ съ нѣкоторыми вариациями повторяется у него неоднократно (см. 251 стр.), но смыслъ его теменъ. Что такое „канты“? Несомнѣнно, это оставленное авторомъ безъ перевода *kante* (отсюда русскій кантъ)—линія пересѣченія двухъ плоскостей въ многогранникѣ (ребро) и вмѣстѣ съ тѣмъ двухгранный уголъ. Оно повидимому затруднило автора: углы, а потомъ опять—углы; ребра, но ребра у него тоже были, онъ и оставилъ это слово безъ перевода, но въ многогранникахъ, каковыми являются кристаллы, существуетъ три типа угловъ (тѣлесные, двухгранные и плоскіе). Эту дифференціацію угловъ авторъ не принялъ во вниманіе и у него получилось нѣчто неудобовразумительное. Неоднократно и настойчиво повторяемый авторомъ тезисъ, что кристаллы характеризуются строго геометрической фигурой, непонятенъ. И трехосный эллипсоидъ имѣетъ строго геометрическую фигуру, но эллипсоидныхъ кристалловъ нѣтъ. Кристаллы характеризуются тѣмъ, что они имѣютъ простѣйшую геометрическую фигуру, ихъ поверхности плоски, и аналитическая геометрія оперируетъ съ ними при помощи уравненій первой степени. Многимъ характеризуются кристаллы, но характеристика нашего автора ихъ не характеризуетъ.

Странныя рѣчи идутъ у автора и дальше. Онъ отрицаетъ, что форма является чѣмъ то существеннымъ для кристалла. Но это слѣдуетъ изъ самого понятія кристалла, можетъ быть впрочемъ авторомъ здѣсь допущенъ просто lapsus: поставилъ „кристалла“ вмѣсто „неорганическаго тѣла“. Но дальше онъ опять пишетъ нѣчто неладное: „сѣра существуетъ и въ видѣ кристалловъ и въ видѣ твердомъ или расплавленномъ“. Но во 1) существованіе въ видѣ кристалловъ и есть существованіе въ видѣ твердомъ (Лемановскіе жидкіе кристаллы— особая вещь), во 2) въ расплавленный, т. е. жидкій видъ можно привести всѣ тѣла, но отсюда ничего не слѣдуетъ относительно ихъ формъ въ твердомъ видѣ.

Подобныя неудачныя выраженія, представляющія собою искаженія дѣльной мысли, указываютъ, что сочиненіе нуждается въ исправленіяхъ. Хотя авторъ перечисляетъ литературу конца XIX и начала XX-го вѣка, я всетаки скажу, не ставя ему этого въ упрекъ, что онъ пользуется литературой нѣсколько устарѣвшей. Гдѣ у него разсужденіе объ опытахъ Бѣрке, объ опытахъ Ледюка? Почему онъ не остановилъ вниманія на теоріи, что можетъ быть аморфнаго состоянія тѣлъ не существуетъ, а что аморфными являются тѣла, состоящія изъ микроскопическихъ кристалловъ (напр., стекло).

Повидимому безсознательно для себя авторъ нѣсколько шаржируетъ доводы противъ механизма и въ защиту витализма. Если бы дѣло обстояло такъ, какъ представляетъ онъ, механистовъ бы не было.

Но недостатки сочиненія объясняются краткостью времени, которымъ располагалъ авторъ, и характеромъ изслѣдованія, требующаго знаній, отстоящихъ далеко отъ обычныхъ академическихъ занятій. Достоинства сочиненія находятъ себѣ объясненіе въ способностяхъ автора и въ проявленной имъ любви къ изслѣдуемому вопросу. Въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе утверждаетъ читателя въ мысли, что авторъ изучилъ и сдѣлалъ много полезнаго для себя, а качества проявляемыя авторомъ заставляютъ надѣяться, что въ переработанномъ и обработанномъ видѣ его сочиненіе можетъ стать полезнымъ вкладомъ въ русскую философскую и апологетическую литературу.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

46) О сочиненіи студента *Толгскаго Николая* на тему: „Надгробныя проповѣди у важнѣйшихъ представителей русскаго проповѣдничества XVIII и XIX вѣковъ“.

а) И. д. доцента Академіи *В. П. Виноградова*:

„Въ ряду различныхъ видовъ проповѣдническаго творчества надгробная проповѣдь имѣетъ печальную привиллегію: ея *raison d'être* въ гомилетической наукѣ оспаривается весьма много и чрезвычайно настойчиво. Г. Толгскому поставлена была задача—изучить всѣ доводы за и противъ надгробной проповѣди, выдвинутые въ русской и западной гомилетической литературѣ,—съ одной стороны, и изслѣдовать степень ихъ состоятельности на основаніе анализа надгробныхъ проповѣдей выдающихся отечественныхъ проповѣдниковъ XVIII—XIX в.в.—съ другой.

Соотвѣтственно двумъ сторонамъ задачи г. Толгскій и сочиненіе свое раздѣляетъ на двѣ части.

Въ первой части своего труда авторъ знакомитъ съ результатами своего изученія русской и западной гомилетической литературы. Эта часть заключаетъ четыре главы, содержаніе которыхъ опредѣляется довольно точно ихъ оглавленіями. 1 глава: Мнѣнія русскихъ проповѣдниковъ и представителей гомилетической науки по вопросу о надгробныхъ проповѣдяхъ. 2-я: Воззрѣнія протестантской гомилетической науки на проповѣдь вообще и надгробныя проповѣди въ частности. 3-я: Воззрѣнія католической гомилетической науки по тѣмъ же вопросамъ. 4-я: Общія выводы изъ анализа мнѣній западной гомилетической науки католическаго и протестантскаго направленій и опредѣленіе точекъ зрѣнія для научно-гомилетическаго изслѣдованія вопроса о надгробныхъ проповѣдяхъ. Поставленная здѣсь авторомъ часть задачи выполнена съ самой похвальной добросовѣстностью и достаточнымъ успѣхомъ. Авторъ чрезвычайно тщательно собралъ и проанализировалъ все то случайное и отрывочное, что когда либо было высказано о надгробныхъ проповѣдяхъ въ русской гомилетической литературѣ. Не менѣе тщательно онъ ознакомился со взглядами на надгробную проповѣдь въ западной наукѣ, въ двухъ ея главнѣйшихъ развѣтвленіяхъ—протестантскомъ и католическомъ. Для этой цѣли ему были указаны мною соотвѣтствующіе отдѣлы въ

трудахъ Palmer'a, Christlieb'a, Krauss'a, Bassermaun'a, Niebergall'я, Hettinger'a, Kunze и нѣкоторыхъ другихъ. Но авторъ не удовольствовался изученіемъ лишь указанныхъ ему отдѣловъ; онъ постарался изучить взгляды иностранныхъ гомилетовъ на надгробную проповѣдь въ органической связи съ общимъ духомъ и цѣлымъ строемъ ихъ гомилетическихъ системъ, опредѣляемыхъ конфессіональными началами. Правда, авторъ разбирается здѣсь не всегда достаточно хорошо, но бѣльшаго и несправедливо было бы требовать отъ человѣка, впервые очутившагося среди разнообразныхъ теченій западной научно-гомилетической мысли. Результаты своего изученія авторъ изложилъ достаточно основательно и въ методологическомъ отношеніи довольно удачно. Всѣ доводы за и противъ надгробной проповѣди авторъ свелъ къ пяти основнымъ пунктамъ: тема проповѣди, утѣшительный элементъ, воспомина-тельно-личный, религіозно-этической, публицистической. Эти пять пунктовъ онъ затѣмъ во второй части въ соответствующихъ пяти главахъ и ставитъ объектами научнаго интереса при изученіи надгробныхъ проповѣдей русскихъ проповѣдниковъ. Онъ рассматриваетъ, какъ, въ какомъ видѣ каждый изъ этихъ элементовъ выступаетъ въ надгробныхъ проповѣдяхъ различныхъ проповѣдниковъ различныхъ эпохъ, различныхъ направленій, равно какъ и у одного и того же проповѣдника и затѣмъ устанавливаетъ, насколько уродливыя, съ точки зрѣнія гомилетической теоріи, формы, въ которыхъ по временамъ выступаютъ указанные элементы, и на наличности которыхъ строятся всѣ возраженія противъ надгробной проповѣди, являются устойчивыми и слѣдовательно неизбѣжными въ надгробной проповѣди. Авторъ всюду приходитъ къ выводу, что уродливыя формы, хотя и часты, но не неизбѣжны и потому не вытекаютъ изъ самой природы надгробной проповѣди и ея не характеризуютъ и, слѣдовательно, отнюдь не должны служить къ оспариванію *raison d'être* надгробной проповѣди. Надгробная проповѣдь есть несомнѣнно труднѣйшая и наибѣлье скользкая область проповѣдническаго творчества, но однако и любопытнѣйшая въ научномъ отношеніи, плодотворнѣйшая — въ практическомъ, область, гдѣ творчество уходитъ своими психологическими корнями и дѣйствіемъ въ самыя интимныя глубины вѣрующей христіанской лич-

ности. — Выводы автора исторически-документально обоснованы и вполне правильны: онъ удачно, сознательно—методично оперируетъ надъ длиннѣйшимъ рядомъ проповѣдей около двадцати лучшихъ проповѣдниковъ XVIII—XIX в.в. Въ серьезный упрекъ автору могу поставить лишь нѣкоторую, по временамъ сильно дающую себя чувствовать, небрежность изложенія. Правда, лично я далеко не совсѣмъ согласенъ съ его опредѣленіемъ точекъ зрѣнія для анализа надгробныхъ проповѣдей, особенно съ принятой для нихъ терминологіей, но во всякомъ случаѣ авторъ, съ своей стороны, для своего опредѣленія и терминологіи имѣлъ достаточныя основанія въ изученной имъ отечественной и западной го-милетической литературѣ.

За свой трудъ, выполненный добросовѣстно, въ общемъ успѣшно и съ любовью (посвященъ памяти почившаго отца), авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе читается съ интересомъ. Авторъ много потрудился для изслѣдованія вопроса о надгробныхъ проповѣдяхъ, мало разработаннаго въ русской литературѣ, въ виду чего ему пришлось обратиться къ литературѣ западной и прослѣдить рѣшеніе этого вопроса у католическихъ и протестантскихъ ученыхъ. Въ сочиненіи, мнѣ кажется, можно отмѣтить одинъ пробѣлъ: автору слѣдовало бы прослѣдить рѣшеніе этого вопроса, хоть вкратцѣ, у древнихъ отцовъ церкви, а пожалуй даже и у языческихъ риторовъ. Правда, онъ пишетъ о проповѣдяхъ XVIII и XIX вѣковъ; но если вспомнить, что и новая христіанская наука имѣетъ въ своемъ основаніи древнюю, то, можетъ быть, теоріи древнихъ риторовъ и основанныя на этихъ теоріяхъ надгробныя слова древнихъ отцовъ церкви (напр. св. Григорія Богослова) объяснили бы кое-что и въ проповѣдяхъ новаго времени. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе—очень хорошее“.

47) О сочиненіи студента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)* на тему: „Антропология преподобнаго Симеона Новаго Богослова“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ прекрасно справился съ задачей своего труда.

Въ виду почти полнаго отсутствія въ нашей русской богословской литературѣ (есть только изслѣдованіе Мартынова „Ученіе св. Григорія Нисскаго о природѣ человѣка“) работъ по святоотеческой антропологіи, автору приходилось вполне самостоятельно выработывать какъ планъ своей работы, такъ и выяснять сложные вопросы, относящіеся къ области антропологіи, напр. о составѣ человѣка, о душѣ и ея свойствахъ, объ образѣ Божіемъ, о характерѣ жизни первозданнаго человѣка въ невинномъ состояніи, о грѣхѣ въ его проявленіяхъ и воздѣйствіи на внутреннюю природу человѣка и проч. Правда, авторъ самъ говоритъ еще о двухъ монографіяхъ по антропологіи, которыя у него были подъ руками: *Клебба*: „Антропологія св. Иринея“ и *Фоверштайна*: „Антропологія Таціана“; но самъ же онъ вполне опредѣленно и, по нашему мнѣнію, вполне основательно указываетъ и недостатки ихъ. Поэтому и заимствовать изъ нихъ что-либо полезное и руководящее къ его собственной работѣ, исключая развѣ общей схемы построенія работы, онъ не могъ. Если-же принять во вниманіе, что литературы о самомъ преп. Симеонѣ почти совсѣмъ нѣтъ, ни у насъ, ни на западѣ (на западѣ можно указать развѣ только на сочиненіе Голль'я: *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum*, Leipzig 1898; Крѹмбахера: *Geschichte der byzantinischen Litteratur*“, München 1897; но эти сочиненія, какъ видно, общаго характера, а не спеціально по изслѣдованію писаній преп. Симеона), то *самостоятельность работы* автора должна быть особенно оцѣнена и указана въ качествѣ главнаго достоинства его работы. Кто знакомъ съ трудами св. отцовъ, въ частности съ писаніями аскетовъ, полныхъ индивидуальной своеобразности въ пониманіи вопросовъ и пунктовъ христіанскаго міровоззрѣнія; отличающихся почти всегда отсутствіемъ послѣдовательности въ раскрытіи основныхъ положеній, тотъ можетъ оцѣнить трудъ о. Пантелеимона и понять, какъ нелегко было ему и уяснить, и привести въ систему мысли преп. Симеона въ его ученіи о человѣкѣ. Это и потому особенно, что вѣдь антропологія, какъ у всѣхъ почти св. подвижниковъ-писателей, такъ и у преп. Симеона, не выдѣлена въ писаніяхъ, какъ особый предметъ изслѣдованія, а раскрыта въ общей массѣ писаній по разнымъ вопросамъ и подвижнической жизни, и богословія вообще, и христорологіи

въ частности, и проч. Автору пришлось неоднократно перечитывать и выбирать изъ твореній преп. Симеона то, что относилось-бы къ темѣ. А кто знаетъ писанія преп. Симеона, тотъ пойметъ, какъ труденъ онъ для пониманія—недаромъ же онъ и названъ „Новымъ Богословомъ“,—какъ своеобразенъ и необыченъ въ сужденіяхъ о вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, въ силу особенной глубины личнаго духовнаго опыта и уразумѣнія, открываемаго только духовнымъ сезерчаніемъ. Авторъ преодолѣлъ не только эти трудности, но сдѣлалъ еще больше: поставилъ въ связь богословствованіе преп. Симеона съ данными предшествующей святоотеческой мысли, почти во всѣхъ пунктахъ, которыхъ онъ касался въ своемъ сочиненіи; указалъ соотношеніе съ философіей древности и съ психологіей современности. Текстъ твореній преп. Симеона въ русскомъ переводѣ авторъ постоянно повѣряетъ по латинскому подлиннику, какъ онъ изданъ у Migne'я. Повторяемъ: со стороны серьезности, научной добросовѣстности и самостоятельности сочиненіе о. Пантелеимона производитъ прекрасное впечатлѣніе. Тонъ сочиненія спокойный, говорящій самъ за себя въ смыслѣ серьезности научнаго анализа и увѣренности автора въ томъ, что онъ обдумалъ и говоритъ, и перспектива работы широкая. Во Введеніи намъ, напр., очень понравилось самое объясненіе плана работы и установка самаго термина „Антропология“ (стр. 51—55), съ критической оцѣнкой упомянутыхъ нами сочиненій въ области святоотеческой антропологии. Правда, употребляемые имъ на стр. 55 соч. термины „библейская“ и „христіанская“ антропология требовали-бы бѣльшаго раскрытія или вѣрнѣе бѣльшей осторожности въ виду возможнаго неправильнаго пониманія ихъ. Все сочиненіе о. Пантелеимона состоитъ изъ 5 отдѣловъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на части—(всего съ Введеніемъ и Заключеніемъ 287 стр.), и въ смыслѣ плана вполне цѣлесообразно, обнимая всѣ пункты антропологии въ ихъ органической связи и преемственности.

Особенно хороши у автора первые 3 отдѣла, по полнотѣ и основательности раскрытія вопроса: о составѣ природы человѣка, о содержаніи жизни человѣческой до грѣхопаденія, о самомъ грѣхопаденіи и слѣдствіяхъ его какъ для природы человѣка, такъ и вообще для его жизни. Намъ кажется, что

автору удалось особенно хорошо уяснить этот неясный вопрос о составѣ природы человѣка: трехчастенъ или двухчастенъ человѣкъ? Авторъ, на основаніи твореній преп. Симеона и снесенія его ученія съ ученіемъ св. отцовъ древнѣйшихъ, признаетъ послѣднее, отлично выясняя термины „духъ“ и „душа“ въ ихъ сравнительномъ значеніи; очень хорошо раскрываетъ и понятіе образа Божія въ человѣкѣ. Для человѣка мало знакомаго съ вопросами антропологии вообще и святоотеческой въ частности въ сочиненіи о Пантелеимона дано прекрасное, научное и въ то же время простое раскрытіе трудныхъ пунктовъ въ этой области, и вся святоотеческая мысль выражена очень выпукло и опредѣленно, съ указаніемъ ея разнообразныхъ направленій.

Во 2 и 3 отдѣлахъ данъ хорошій психологическій анализъ и характеристика внутренняго міра человѣческой личности до грѣха и послѣ грѣха, вполне объясняющій тѣ особенности въ ученіи христіанства о жизни человѣческой, которыя кажутся многимъ странными; разумѣемъ своеобразность, съ мірской точки зрѣнія, христіанскихъ нравственныхъ требованій, необходимость подвижничества и пр.

Слабѣе другихъ отдѣловъ намъ представляется отдѣлъ 4-й гдѣ изображается „облагодатствованный“ человѣкъ. Авторъ здѣсь касается вопроса объ аскетизмѣ и, думается, не достаточно выпукло отгвѣнилъ ту мысль, что аскетизмъ долженъ разсматриваться какъ часть антропологии, именно той части въ ней, которую онъ называетъ „христіанской“. Скажемъ даже, что эта часть „христіанской антропологии“ (аскетизмъ) должна быть выдвинута на особое мѣсто и ей удѣлено больше вниманія, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ. Онъ ограничился только, можно сказать, описательнымъ изображеніемъ „облагодатствованнаго“ человѣка, а самаго процесса „облагодатствованія“ и не раскрылъ. Авторъ, напр., не говоритъ: чѣмъ и какъ очищается у человѣка *умъ, воля и сердце*. Нужно бы еще опредѣленнѣе уяснить: тождественны-ли понятія „благодать Св. Духа“ и „Духъ Святой“, которые вселяются „въ облагодатствованнаго“ человѣка. Эту неполноту 4-го отдѣла мы указываемъ не съ цѣлю умалить цѣнность и достоинство работы, а съ тѣмъ, чтобы этотъ пробѣлъ авторъ восполнилъ. Быть можетъ, онъ самъ и иначе смотритъ на отношеніе вопроса объ аскетизмѣ въ системѣ антропологии, но намъ

кажется, что этотъ вопросъ долженъ войти особымъ отдѣломъ въ общую антропологическую работу и придать ей полноту и интересъ и ту своеобразность, которою христіанская антропология должна отличаться отъ всякой другой, какъ христіанская жизнь рѣшительно отличается отъ всякой другой нравственной жизни. Если автору удастся также хорошо ввести въ свое сочиненіе и раскрыть вопросъ о подвижничествѣ, какъ это онъ сдѣлалъ съ другими вопросами своей работы, то изъ его настоящей работы получится прекрасная магистерская диссертация и онъ внесетъ цѣнный вкладъ въ богословскую литературу, восполнивъ ея пробѣлы по части святоотеческой антропологии. Въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе о Пантеленмона не только достойно степени кандидата богословія, но и заслуживаетъ особой похвалы“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Талантливая работа студента іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго), посвященная мало обследованному въ нашей богословской литературѣ вопросу, предваряется обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ, въ связи съ данными біографіи выдающагося оригинальнаго мистика греческой церкви, выясняется сущность антропологии и значеніе ея для теологии, этики, философіи и другихъ наукъ. Въ слѣдующихъ, затѣмъ, пяти отдѣлахъ авторъ въ строгой связи и послѣдовательности излагаетъ взгляды преподобнаго Симеона на духовно-тѣлесную природу человѣка вообще, на состояніе первозданнаго человѣка до грѣхопаденія и послѣ него, на состояніе благодатно-возрожденнаго человѣка и на его посмертное состояніе и воскресеніе. Въ краткомъ заключеніи авторъ резюмируетъ взгляды преподобнаго Симеона на человѣка, „какъ тварно-ограниченнаго, но разумно-свободнаго существа“.

Несомнѣнно, что антропология „Новаго Богослова“ представляетъ особый интересъ, какъ антропология мистика-подвижника, всегда хранившаго „трезвенное самоуглубленіе“ и потому даващаго цѣнныя богословскія сужденія особенно по вопросу о внутренней природѣ человѣка и его духовной христіанской жизни.

Разумѣется, что для полнаго пониманія всей высоты духовнаго созерцанія преподобнаго Симеона нужно обладать

способностію къ психологическому анализу, нужно, далѣе, знать творенія отцовъ церкви и подвижниковъ, которыхъ часто цитируетъ и еще чаще просто имѣетъ въ виду преподобный Симеонъ. Таковы, на примѣръ, Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Лѣствичникъ. И авторъ въ своей работѣ всюду является знатокомъ святоотеческой литературы по вопросамъ антропологии. Уже это одно заставляетъ признать въ авторѣ убѣжденнаго и опытнаго богослова-работника, который, очевидно, опредѣлилъ для себя выборъ темы не случайными обстоятельствами, а достаточной подготовкой къ рѣшенію поставленнаго въ ней вопроса.

Впрочемъ, тема о. Пантелеимона расширяла задачу его работы: онъ долженъ былъ не только излагать взгляды преподобнаго по его твореніямъ, но предварительно собрать нужный ему матеріалъ и опредѣлить относительную цѣнность русскихъ переводовъ отдѣльныхъ произведеній преподобнаго Симеона сравнительно съ собранными твореніями, на примѣръ, въ патрологии Migne'я. Авторъ и въ этой части своего труда остается серьезнымъ работникомъ, который всюду умѣетъ извлекать наиболѣе цѣнное для него.

Съ должнымъ вниманіемъ отнесся авторъ и къ очень небогатой, правда, русской литературѣ, касающейся вопросовъ антропологии (къ сочиненіямъ этого рода относится едва ли не единственное сочиненіе Мартынова „Ученіе св. Григорія еп. Нисскаго о природѣ человѣка“) и къ не особенно богатой западной. Авторъ обнаружилъ обстоятельное знакомство какъ съ русской, такъ и съ западною литературою, дающею и характеристику личности преподобнаго Симеона.

Правда, глубокое мистическое богословствованіе преподобнаго Симеона иногда недостаточно, какъ будто, усваивалось авторомъ и вызывало у него нѣкоторое колебаніе при систематизаціи взглядовъ Новаго Богослова. Это замѣтно, на примѣръ, при уясненіи имъ духовныхъ способностей человѣка (въ 1-мъ отдѣлѣ). Но мы думаемъ, что при незначительной дополнительной обработкѣ своего сочиненія авторъ дастъ твердые положительные выводы и относительно тѣхъ пунктовъ богословствованія преподобнаго Симеона, по которымъ не дано пока опредѣленнаго рѣшенія.—и тѣмъ самымъ восполнитъ небольшіе недочеты своей прекрасной въ цѣломъ кандидатской работы.

Въ виду сказаннаго, мы признаемъ сочиненіе о. Пантелеимона не только заслуживающимъ степени кандидата богословія, но и особаго одобренія“.

48) О сочиненіи студента *священника Филипповскаго Бориса* на тему: „Историческія судьбы народовъ Палестины до завоеванія ея евреями“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сравнительно небольшое по объему (252 стр.) сочиненіе о. Филипповскаго состоитъ изъ девяти главъ съ приложеніемъ указателя источниковъ и пособій, нѣсколькихъ снимковъ съ древнихъ памятниковъ и родословнаго дерева древнихъ народностей востока. Въ 1-й главѣ авторъ предпосылаетъ сочиненію предварительныя замѣчанія, выясняющія общій характеръ и библейско-апологетическую задачу его изслѣдованія, географическій объемъ термина „Палестина“ и вопросы хронологіи. Во 2-й главѣ говорится о вліяніи географіи и топографіи Палестины на судьбу древнихъ народовъ, населявшихъ ее. Въ 3-й главѣ, на основаніи данныхъ Библии, преданій народовъ и новѣйшихъ открытій въ области оріентологіи, дѣлаются замѣчанія о Палестинѣ въ допотопныя времена. Въ главахъ 4—8 авторъ обслѣдуетъ историческую судьбу древнихъ народовъ Палестины: рефайимовъ, хананеянъ, аммореевъ, хеттеевъ, филистимлянъ и др. Сочиненіе заканчивается (9-я глава) общимъ замѣчаніемъ о Божественномъ Промыслѣ въ судьбахъ древнихъ народовъ Палестины.

Въ цѣломъ сочиненіе о. Филипповскаго представляетъ изъ себя опытъ серьезной научной разработки очень сложнаго, мало обслѣдованнаго въ русской библейско-богословской литературѣ, вопроса. Нужно замѣтить, что вопросъ о древнихъ народахъ Палестины давно уже интересуется видныхъ представителей западной богословской науки. Такъ, въ послѣднее время тамъ появились труды, относящіяся къ указанному вопросу, такихъ видныхъ ученыхъ, какъ, напримеръ, Saussure, Meyer, Müller. Между тѣмъ, наша библейско-богословская литература очень бѣдна изслѣдованіями подобнаго рода, которыя тѣмъ необходимѣе, что русскому

библейсту-богослову приходится довѣрять авторитету западныхъ ученыхъ, нерѣдко дающихъ тенденціозное освѣщеніе вопросу о расселеніи народностей древней Палестины. Сочиненіе о. Филипповскаго и даетъ критическую оцѣнку на личныхъ взглядовъ на исторію народовъ древнѣйшей Палестины. Онъ привлекаетъ въ свое изслѣдованіе въ качествѣ аргументаціи не только данныя основного первоисточника— Библии, но и—новѣйшія данныя оріентологии. Онъ умѣло разбирается въ деталяхъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, въ вопросѣ о „хеттеяхъ“, о „хабири“ и т. п. Рецензенту приходится пожалѣть только о томъ, что авторъ не могъ, по незнанію англійскаго языка, ознакомиться съ библейско-историческою литературою британскихъ ученыхъ. Но зато онъ хорошо знакомъ съ лучшими работами, уясняющими его вопросъ, нѣмецкихъ ученыхъ, напр., Ebers'a, Kohler'a, Dupcker'a, Müller'a и др. Сочиненіе о. Филипповскаго обнаруживаетъ обстоятельное знакомство его не только съ монографіями русскихъ богослововъ (напр. изслѣд. іером., нынѣ архіеп., *Платона*, *Древній Востокъ*), но и съ журнальными статьями.

Имѣются, конечно, въ сочиненіи о. Филипповскаго и недостатки. Такъ, говоря о судьбахъ древнихъ народовъ Палестины, онъ главнымъ образомъ останавливаетъ свое вниманіе на начальной исторіи этихъ народовъ, пытается отмѣчать преимущественно первые моменты ихъ появленія въ исторіи и мало интересуется ихъ историческою судьбою, что онъ обязанъ былъ сдѣлать какъ библейстъ. Его общее замѣчаніе о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи древнихъ народовъ является довольно поверхностнымъ. Нельзя согласиться также съ его разграниченіемъ вліянія на судьбу древнихъ народовъ сначала Вавилона и потомъ Египта (стр. 37 и дал.). Современные панвавилонисты говорятъ объ исключительномъ и постоянномъ вліяніи на палестинскіе народы однихъ только вавилонянъ, тогда какъ болѣе безпристрастные историки устанавливаютъ фактъ одновременнаго вліянія на народы древней Палестины какъ Вавилона, такъ и Египта. Его заключеніе о томъ, что Телль—амарнская клинопись (стр. 177) говоритъ о безусловномъ вліяніи на народы древняго міра Вавилонянъ, можетъ быть оспариваемо на томъ основаніи, что языкъ дипломатическихъ сношеній не всегда ручается

за культурное преобладаніе народа, языкъ котораго принять дипломатами.

Но отмѣченные нами недочеты, въ виду указанныхъ ранѣе достоинствъ сочиненія о. Филипповскаго, который всегда является въ своей работѣ убѣжденнымъ и вдумчивымъ богословомъ-апологетомъ, не могутъ быть поставлены ему въ серьезную вину. Его трудолюбіе и способность къ ориентировкѣ въ сложныхъ вопросахъ даютъ основаніе надѣяться, что онъ работалъ не только ради степени кандидата богословія, которую онъ вполнѣ заслужилъ, но и ради нашей богословской науки. Ради этого же онъ долженъ приложить и новое усердіе, чтобы его трудъ, послѣ обработки и дополненій, появился въ печати“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора
М. Д. Муретова:

„Предварительныя замѣчанія о методѣ и планѣ сочиненія, географическое значеніе термина „Палестина“ и невозможность точной хронологіи по первоисторіи человѣчества (глава первая, стр. 1—21),—вліяніе географическаго положенія Палестины на исторію ея народовъ (глава вторая, стр. 22—40),—допотопная Палестина (глава третья, стр. 41—74),—Палестина послѣпотопная: Рефаимы (глава четвертая, стр. 75—106), Хананеи (главы пятая и шестая, стр. 107—208), Хеттеи (глава седьмая, стр. 209—221) и Филистимляне (глава восьмая, стр. 222—241)—на основаніи Библии, данныхъ археологіи и свидѣтельствъ исторіи: таково содержаніе сочиненія о. Филипповскаго, добытое путемъ тщательнаго изученія многочисленныхъ, иностранныхъ и русскихъ, трудовъ, относящихся къ данному предмету (въ приложеніи къ тетради авторомъ названы 52 пособія). Определеніе расъ Палестины до завоеванія ея Евреями,—раскопки и археологическіе остатки каменныхъ издѣлій,—сходство облика Аккадянъ съ Хеттеями по египетскимъ и аккадскимъ изображеніямъ,—сравненіе китайскаго языка съ древне-аккадскимъ и сближеніе русскаго „китаецъ“ съ древнимъ „хеттей“,—египетскіе папирусы, іероглифы, клинопись и др. многое въ томъ же родѣ: все это такія области научныя, въ коихъ трудно быть пол-

нымъ хозяиномъ-спеціалистомъ даже для заматорѣлыхъ мужей науки, а для студента—хотя бы даже грамотно-ученымъ начетчикомъ. Такимъ образомъ нашему автору, какъ еще только начинающему дѣло ученому работнику, предстояла здѣсь печальная участь потеряться въ безконечномъ компилированіи или переписываніи чужихъ словъ, не только безъ провѣрки ихъ по первоисточникамъ, но даже и безъ самостоятельно-научнаго ихъ усвоенія и сознательной обработки. Но отъ этой опасности спасла нашего автора усвоенное имъ и строго проведенное библейско-церковное воззрѣніе на судьбы человѣчества вообще и на исторію Палестины въ частности. Это дало автору надежную путеводную нить въ лабиринтѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ науки по излагаемому имъ предмету. Проницательнымъ взоромъ отмѣчаетъ онъ въ массѣ бывшаго у него матеріала и умѣлою рукою отбираетъ все, служащее здѣсь къ установу и раскрытію той непреложной истины, что ведущій человѣчество ко спасенію Промыслъ явно руководилъ и историческими судьбами народовъ Палестины до завоеванія ея Евреями, постепенно готовя святую землю для исторіи богоизбраннаго народа, пока не возсіялъ изъ него Свѣтъ людей. Освѣщая и одухотворяя этой идеей свои частныя разсужденія во всѣхъ восьми главахъ, авторъ отдѣльно и подробно раскрываетъ ее въ послѣдней заключительной главѣ (девятой, стр. 242—252), чѣмъ сообщаетъ всему разсужденію своему стройность и законченность. Кромѣ этой общегословской идеи, авторъ сумѣлъ извлечь изъ изученнаго имъ матеріала многочисленныя частныя доказательства исторической достовѣрности всѣхъ, содержащихся въ Библии, датъ относительно историческихъ судьбъ народовъ Палестины до завоеванія ея Евреями и тѣмъ содѣйствовалъ посильному съ своей стороны уясненію безусловной незыблемости авторитета Библии, какъ богооткровеннаго Писанія. Благодаря этому, а также ясному и отчетливому изложенію, сочиненіе о Филипповскаго читается съ большимъ интересомъ и представляетъ строго-научный историко-апологетическій трудъ, не только вполне достойный ученой степени кандидата богословія, но и заслуживающій поощренія для дальнѣйшей разработки“.